

На правах рукописи

Козырева Полина Михайловна

**ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЯН
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 22.00.04 — социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва 2004

Работа выполнена в Институте социологии РАН

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор З.Т. Голенкова

Официальные оппоненты:

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин

доктор исторических наук, профессор А.А. Галкин

доктор философских наук, профессор В.В. Шалин

Ведущая организация:

Институт комплексных социальных исследований РАН,

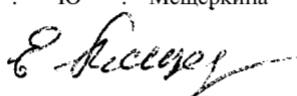
Отдел комплексных исследований массового сознания

Защита состоится 29 декабря 2004 г. в 12 часов на заседании Диссертационного совета Д.002.011.02 по присуждению ученой степени доктора социологических наук при Институте социологии РАН по адресу: 117259, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп.5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан «25» ноября 2004 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат философских наук Е.Ю. Мещеркина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В течение последнего десятилетия прошлого века исследование проблем социальной адаптации превратилось в одну из ведущих тем отечественной социологии. Рост внимания к этим проблемам не случаен: динамичные, насыщенные драматическими событиями периоды истории позволяют глубже понять реальные механизмы взаимодействия человека и социальной среды, разобраться в хитросплетениях разнообразных факторов, определяющих динамику многоплановых и разноуровневых адаптационных процессов.

Реформы, развернувшиеся в России в начале 90-х годов XX века, кардинально изменили экономическую и политическую ситуацию в стране, внесли огромные перемены в жизнь каждой российской семьи, каждого отдельного человека, вынуждая их реагировать на вызовы современности. Для большинства людей эти перемены, происходили под знаком неопределенности их содержания и перспектив развития, обернулись тяжелым испытанием, потребовавшим концентрации физических и моральных сил. И рядовые граждане страны, и сами реформаторы были вынуждены приспособливаться к динамично, зачастую спонтанно меняющейся экономической и политической обстановке. По мере расширения и углубления трансформационных процессов способность адаптироваться к обновляющейся социальной среде стала жизненно важной для всех групп населения.

Актуальность исследования определена, во-первых, острой необходимости осмыслиения накопленного опыта преобразований и выявления на этой основе перспектив развития общества. "Социетальная трансформация" современного российского общества, т.е. "не просто экономическая, политическая, социальная или какая-то иная" трансформация, а "общесистемная, захватывающая все структуры общества"¹, характеризуется еще не вполне уясненными в своем содержании и последствиях проявлениями. Во всем мире не ослабевает интерес к тому, чем завершатся трансформации в России и других странах постсоветского пространства. В то же время в России в самом реформирующемся российском социуме не утихают споры о том, каковы результаты и уроки реформ, перспективы дальнейшего развития. Анализ динамики адаптационных процессов - важнейшего социального показателя степени освоения гражданами меняющихся условий их жизнедеятельности - позволяет точнее оценить успешность реформирования и лучше понять направленность преобразований.

¹ Лапин Н.И. Началась институционализация нового социального порядка — какого? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М: МВШСЭН, 2003. С. 369–370.

Во-вторых, немаловажный момент изучения этих процессов связан с изменением стратегий, освоением новых моделей и способов адаптации. Необходимо выявить наиболее эффективные стратегии и тактики, которые делают возможным повышение адаптационных ресурсов и обеспечивают более полную их реализацию в различных сферах деятельности. Речь идет о том, чтобы попытаться найти новые направления в процессе формирования приспособительных механизмов, позволяющие людям адекватно воспринимать перемены и оперативно реагировать на изменения социальной среды, наращивать и эффективно использовать свой социальный потенциал. Это предполагает исследование специфических социально-экономических и культурно-регулятивных механизмов, непосредственно связанных с выбором тех или иных поведенческих стратегий.

В-третьих, вопросы социальной адаптации охватывают широкое проблемное поле, а их конкретное содержание в решающей степени определяется направленностью и динамикой развития экономических и политических процессов, влекущих за собой все другие перемены. Рыночные и демократические реформы проводились при явном преобладании политических целей, что далеко не всегда приводило к планируемым результатам, зачастую обостряя противоречия, усиливая политическую и социальную напряженность, провоцируя массовое недовольство граждан и конфликты. Значительная часть населения, лишившись государственной поддержки, не сумела своевременно приспособиться к новым условиям жизни. Произошла резкая дифференциация доходов населения, расслоение общества на незначительный пласт богатых и бедное или более или менее обеспеченное большинство. Важнейшим индикатором этих перемен является социальное самочувствие населения и анализ его динамики как психологической составляющей адаптационных процессов.

В-четвертых, в социуме, отягощенным тесным переплетением самых разнообразных проблем, проявились тенденции к усилению взаимовлияния и взаимоусиления различных проявлений нетерпимости. В ходе изменения массовой самоидентификации и самосознания граждан, переоценки ориентации в пространстве "своих" и "не своих" многие люди стали выражать себя через не-приятие других. Все это требует переосмыслиения нашего понимания проблем толерантности не только на концептуальном уровне, но и как практической платформы, расширяющей стабилизационный и интеграционный потенциал общества. Встают вопросы об условиях, способствующих обретению взаимопонимания и согласия, стабилизации общественной жизни, о реальном содержании и формах толерантности на разных этапах реформирования общества.

В-пятых, результаты последних исследований дают основания полагать, что российское общество приблизилось к завершению переходного периода и

"травматические радикальные перемены в основном позади"¹. Нынешний этап его развития характеризуется все более четко выраженным переходом к решению конкретных проблем экономической, политической и социальной жизни. И тем не менее будущее далеко не кажется безоблачным. Анализ меняющейся на рубеже веков картины развития российского общества с его экономическими, политическими, этническими и иными проблемами, глубоким социальным расслоением, деформацией духовно-нравственной среды ставит вопрос о поиске принципиально новых, более эффективных путей использования человеческого капитала, средств и методов снижения влияния на общество негативных факторов. Исследование адаптационных процессов и соответствующих механизмов позволяет внести вклад в уяснение такого рода проблем.

Состояние научной разработанности проблемы исследования. В мировой науке накоплен солидный опыт изучения адаптации людей к меняющимся условиям их жизнедеятельности. При этом комплексность и многослойность адаптационных процессов и состояний предопределила множественность аспектов и методов ее исследования. В настоящее время ее изучением занимаются философия, социология, психология, биология, медицина, социальная экология, экономика, культурология, социальная лингвистика и другие науки.

В социологии основы изучения социальной адаптации связываются в первую очередь с работами таких авторов, как Л. Бристол, Д. Дьюи, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Г. Спенсер, Г. Тард, У. Томас, Г. Чаттертон-Хилл. Особо важны труды классиков: М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Дж. Мида, Д. Морено, П. Сорокина, Т. Парсонса, Э. Фромма. В области психологии это работы Г. Айзенка, Г. Гартмана, Ж. Пиаже, Л. Филипса и их последователей, которые сосредоточили основное внимание на разработке индивидуально-личностных и социально-психологических аспектов адаптации и оказали существенное влияние на формирование и развитие соответствующих социологических концепций.

Начало активного изучения социальной адаптации в отечественной науке приходится на середину 60-х годов прошлого века. До этого исследования адаптации относились большей частью к биологии (П.К. Анохин, Н.И. Вавилов, К.М. Завадский, И.П. Павлов, А.Н. Северцов, А.А. Ухтомский и др.) и медицине (Н.А. Ардаматский, П.Н. Веселкин, А.Д. Слоним и др.). Между тем многие достижения, полученные в ходе этих исследований, сохранили актуальность для современной социологии.

Наиболее активно социологическое изучение процессов социальной адаптации в 60—80-е годы XX века велось в рамках социологии труда. Основное внимание уделялось изучению профессиональных и производственных

¹ Дробижева Л.М. Введение // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 3.

аспектов, особенностей и факторов трудовой адаптации. Сюда же следует отнести работы психологов и социальных психологов, которые занимались разработкой прикладных аспектов адаптации личности в различных сферах трудовой, производственной деятельности, в трудовых коллективах. Это работы Л.В. Бершовой, Л.Н. Бондаренко, М.П. Будякиной, Т.Н. Вершининой, В.И. Герчикова, Л.С. Гурьевой, Т.П. Кончанина, З.В. Куприяновой, Н.П. Лукашевич, О.Ю. Мамедова, Н.Ф. Наумовой, В.Г. Подмаркова, В.М. Пономаренко, Л.Г. Припутень, А.А. Русалиновой, Н.А. Свиридова, А.Д. Субочевой, Н.Н. Федотовой, В.Л. Чепляева, Г.А. Чередниченко, В.М. Шепель, О.И. Шкарата и др.

Значительная часть исследований проводилась в рамках таких отраслей социологии, как социология молодежи и социология образования (И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.И. Чупров, А.В. Шарапов, В.Н. Шубкин и др.), социология личности (М.И. Бобнева, О.Н. Дудченко, А.Г. Здравомыслов, Я.Л. Коломинский, В.С. Магун, А.В. Мытиль, В.А. Ядов и др.). Соответствующие аспекты адаптации разрабатывались при изучении миграционных процессов (Л.В. Коурель, Л.В. Макарова, Г.Ф. Морозова, Л.Л. Рыбаковский, Н.В. Тарасова, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек и др.) и другой проблематики.

Отдельно следует выделить работы, посвященные изучению психологических и социально-психологических механизмов адаптации. К ним относятся труды К.А. Абульхановой-Славской, Ю.А. Александровского, О.И. Зотовой, И.К. Кряжевой, Н.В. Кухарева, В.И. Медведева, Ш. А. Надирашвили, А.А. Налчаджана, Б.Ф. Поршнева и др. Одновременно активизировалось философское и философско-социологическое осмысление социальной адаптации, представленное работами В.Г. Афанасьева, А.Б. Георгиевского, В.П. Казначеева, Э.С. Маркаряна, И.А. Милославовой, В.П. Петленко, А.В. Сахно, Г.И. Царегородцева, В.А. Ядова и др.

Несмотря на то, что в дореформенной России исследование проблем социальной адаптации велось по разным научным направлениям, наибольший прогресс достигнут в последние годы. После кардинальных перемен, произошедших в первой половине 1990-х годов, появилась возможность для нового осмысления фундаментальных проблем, концепций и теорий социальной адаптации. Потребовалась обобщающая концепция адаптационных процессов.

По мере расширения и углубления социальных преобразований спектр научных изысканий в данной области значительно обновился. Этому способствовали существенное обогащение теоретической базы, расширение междисциплинарных обменов, дискурсов, разработка новых областей исследований. Ученые обратились к изучению разнообразных аспектов социальной адаптации в контексте развития трансформационных процессов именно в России. Это для нас существенно, так как потенциал адаптированности к социальным изменениям отнюдь не универсален, но прямо связан с социокультурными особенностями

стями общества. Процессы адаптации к радикальным трансформациям в России привлекли также внимание многих зарубежных ученых. В результате были пересмотрены многие традиционные взгляды и научные позиции.

Многочисленны публикации, посвященные изучению адаптационных процессов в социально-экономической сфере. К ним относятся работы Е.М. Авраамовой, Е.С. Балабановой, А.А. Возьмителя, Л.А. Гордона, А.С. Готлиб, Л.С. Дегтярь, И.Е. Дискина, З.И. Калугиной, Р.И. Капелюшникова, В.В. Радаева, Л. Резниченко, Р.В. Рыбкиной, Е.Н. Сметанина, С.В. Суркова, О.И. Шкарата, И.Е. Штейнберг и многих других исследователей, рассматривающих широкий спектр общих и частных вопросов социально-экономической адаптации, и прежде всего проблемы адаптации к рынку и современной экономической ситуации, выбора экономических стратегий социальных действий, формирования новых моделей и способов адаптации. Отдельно в рамках данного направления можно выделить исследования социально-экономической адаптации в связи с анализом поведения на рынке труда, проблем занятости и трудоустройства (Е. Варшавская, Т.Н. Вершинина, В.Е. Гимпельсон, О.Ю. Голуб, И. Донова, Э.В. Клопов, А.Э. Котляр, З.В. Куприянова, И. Перова, Ю. Симагин, Л.А. Хахулина, Е.А. Хибовская и др.); безработицы (С.Л. Дановский, А.Н. Демин, И.П. Попова, М.В. Сорока и др.); бедности и нищеты (А.Л. Александрова, М.К. Горшков, Н.М. Давыдова, Н.А. Денисов, Л.Г. Зубова, Е.Г. Мальгинова, М.А. Можина, Л.Н. Овчарова, Н.Е. Тихонова, С.В. Шишкен и др.). В ряде работ рассматриваются проблемы адаптации работников к трудовой деятельности, измененной системе труда (Р.Р. Виньков, Э.М. Зоткин, Л.Г. Лаптев, В.А. Малова, И.М. Орехова и др.), особенности социальной адаптации отдельных профессиональных групп (Г.И. Бессокирная, И.Ю. Диукова, В.А. Мансуров, О.Н. Мамонтов, Г.А. Монусова, А.Л. Темницкий и др.).

Существенный вклад в исследование адаптационных процессов на разных этапах трансформаций внесли работы М.А. Шабановой по проблемам адаптации в контексте свободы и институциональных трансформаций. Ряд исследователей обратились к изучению общих вопросов развития адаптационных процессов, стратегий адаптации в период трансформаций, моделей адаптационного поведения социальных субъектов разного уровня (В.А. Артемов, Ю.В. Арутюнян, С.Х. Ачох, З.Т. Голенкова, Л.М. Дробижева, О.Н. Дудченко, К. Муздыбаев, А.В. Мытиль, А.В. Никонов, Ю.М. Плюснин, Н.Е. Тихонова, О.П. Фадеева, О.В. Шарнина и др.).

Важное значение для осмыслиения адаптационных процессов имеют труды, посвященные общему анализу социальных изменений, трансформации, модернизации (Ш. Айзенштадт, А.С. Ахиезер, Л.А. Беляева, Е.Н. Данилова, М. Кастельс, Н.И. Лапин, П. Тамаш, В.Г. Федотова, С. Хантингтон,

П. Штомпка, Д. Эптер, В.А. Ядов и др.); изменений социальной структуры и направлений социальной мобильности (З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, Е.Д. Игитханян, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова, М.Ф. Черныш, О.И. Шкаратан и др.); динамики ценностей и потребностей в реформируемом обществе (Г.Г. Дилягенский, Б.В. Дубин, И.Г. Дубов, А.Г. Здравомыслов, И.М. Клямкин, Ю.Н. Козырев, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.С. Магун, С.Я. Матвеева и др.).

Изучение адаптационных процессов ведется в рамках социологии личности (Л.В. Ковтун, В.С. Магун, Н.Е. Шустова и др.), социологии семьи (А.И. Антонов, С.В. Дармодехин, В.М. Медков, В.В. Соловьевников и др.), социологии образования (С.Б. Зайцев, Н.В. Осетрова, В.В. Сериков, В.Г. Харчева, Ф.Э. Шереги и др.), социологии молодежи (О.М. Здравомыслова, Д.Л. Константиновский, Г.М. Мкртчан, В.В. Семенова, В.Н. Шубкин, И.М. Чистяков и др.), инвайронментальной социологии (А.И. Костин, С.В. Лазарев, А.В. Мозговая, Н.И. Сафанеева, А.Д. Урсул и др.), исследований миграции населения (Ж.А. Зайончковская, Г.С. Витковская, В.В. Гриценко, Б.Г. Жогин, Н.П. Космарская, Т.Ф. Маслова, В.И. Мукомель, Г.У. Солдатова, Е.И. Филиппова, В.К. Шаповалов и др.). Активно изучаются актуальные проблемы адаптации пожилых (Н.В. Герасимова, Т.З. Козлова, О.В. Краснова и др.), гендерные аспекты адаптации (С.Г. Айазова, М.Е. Баскакова, Т.А. Гурко, И.Ф. Дементьева, Е.Б. Мезенцева, С.А. Морозова, Н.М. Римашевская, С.В. Ярошенко и др.). Одним из исследовательских направлений стало изучение процессов адаптации в политическом и правовом пространстве (Е.В. Вадюхина, А.А. Галкин, Г.Л. Кертман, И.А. Клиmov, Ю.А. Красин, Ю.А. Левада, Л.А. Преснякова, В.О. Рукавишников, Л.Д. Седов, И.С. Семененко, Е.И. Степанов, А.П. Страхов, С.А. Эфиров и др.). Появились также отдельные работы, посвященные изучению процессов реадаптации (А.В. Пищелко, Д.В. Сочивко и др.).

В начале 90-х годов прошлого века одновременно с эмпирическими социологическими исследованиями новое развитие получило философское, философско-социологическое, теоретико-методологическое осмысление проблемы на основе российских реалий. Здесь выделяются работы М.В. Ромма, разрабатывающего теоретико-методологические подходы к изучению социальной адаптации личности; Л.Л. Шпак относительно адаптации как социокультурного процесса. Существенное влияние на формирование современного понимания и новых подходов к изучению социальной адаптации оказали публикации Ю.Б. Урманцева, В.Б. Устьянцева, В.А. Ядова, Е.П. Яковлевой и других ученых, уделяющих внимание философско-социологической специфике адаптационных процессов.

Особое место принадлежит работам представителя новосибирской социологической школы Л.В. Корель, в которых обосновывается необходимость

выделения новой области социологического знания — социологии адаптации и предлагаются ее теоретико-методологические основы; П.С. Кузнецова, разрабатывающего концепцию социальной адаптации на основе ее понимания как социального процесса и отстаивающего ведущую роль социологии в интегрировании и осмысливании знаний, накопленных разными науками относительно данного предмета.

Вместе с тем анализ публикаций по нашей проблеме показывает, что, несмотря на значительный теоретический багаж и большой объем эмпирических исследований, процессы адаптации россиян к условиям трансформирующегося общества требуют постоянно нового, дополнительного осмысления. Научная мысль не всегда успевает отслеживать реально протекающие социальные процессы. Остается немало неясных и дискуссионных вопросов относительно адаптации населения к трансформационным шокам. При всей значимости упомянутых выше работ общая картина остается мозаичной. Мы попытались это преодолеть, используя систематическое многолетнее панельное изучение проблемы под углом зрения предлагаемой в диссертации концепции.

Объект исследования — социальные группы, обладающие различным адаптационным потенциалом.

Предмет исследования — динамика процессов адаптации различных социальных групп россиян к радикальным трансформациям на рубеже XX и XXI веков.

Цель исследования — выявить главные тенденции, объективные и личностные факторы успешности и неуспешности адаптации разных групп населения к радикальным трансформациям; установить основные этапы адаптации и на этом основании оценить перспективы развития адаптационных процессов.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- обобщить и систематизировать имеющиеся научные знания о процессах адаптации к условиям трансформирующегося общества и определить методологические и методические подходы к исследованию при изучении их динамики;
- проанализировать на основе мониторингового исследования динамическую картину состояний уровня жизни и ее связь с эволюцией социального самочувствия и переменами в осознании индивидами своего места в новой системе социальной стратификации;
- проанализировать наиболее значимые этапы изменений адаптационных стратегий и тактик в процессе социальных трансформаций; рассмотреть особенности социальной самоидентификации и субъективной оценки социальной мобильности;

- описать и характеризовать стратегии и способы адаптации населения к рыночным реформам под углом зрения господствующих тенденций и особенностей поведения на рынке труда;
- выяснить направленность изменения отношения к труду с переходом к рыночной экономике, особенности формирования у работников социального ресурса конкуренции на рынке труда;
- проанализировать проблемы трудоустройства, профессиональной мобильности под углом зрения трудовой адаптации, особенности приспособления работников к измененной системе трудовых отношений;
- исследовать взаимосвязь процессов адаптации и дифференциации населения по уровням экономического благосостояния в трансформирующемся обществе, осуществить динамический анализ уровней бедности и факторов ее формирования;
- проанализировать проблемы тендерного неравенства с точки зрения адаптационных процессов;
- осуществить содержательный и динамический анализ основных аспектов толерантности (экономический, политический, этнический, религиозный) под углом зрения современных адаптационных процессов.

В качестве *основной проблемы* исследования выделим противоречие между необходимостью социальной трансформации и субъективным восприятием этой необходимости разными социальными группами и индивидами, степенью их готовности к участию в трансформационном процессе, т.е. уровнем адаптационного потенциала.

Основные гипотезы исследования:

- в процессе социальной трансформации образуется значительный разрыв между кардинально меняющимися условиями жизни и возможностями основной массы населения адаптироваться, освоить новую реальность жизнедеятельности; неравенство адаптивного потенциала различных групп населения приводит к значительной их дифференциации в стратегиях и степени адаптации к новой социальной действительности;
- происходит диверсификация механизмов социального приспособления, поиск и "опробование" новых стратегий и способов адаптации, более адекватных объективным условиям жизни и личностным притязаниям граждан;
- прогресс адаптированного поведения находит непосредственное выражение в улучшении социального самочувствия россиян, повышая порог терпимости к трудностям и вместе с тем готовности к участию различных групп и слоев в проведении экономических реформ;
- ожидается, что более успешная адаптация содействует развитию толерантности, менее успешная — нетерпимости в социальных взаимодействиях.

Методологическую и теоретическую базу исследования составляют деятельностно-активистский, структурно-функциональный и системный анализ, историко-социологический подход. В основе деятельностно-активистского подхода — идея о наличии динамических связей в системе "адаптант—социальная среда". При этом деятельность рассматривается как важнейший системообразующий фактор.

Работа опирается на фундаментальные труды классиков и работы современных авторов по проблемам социальной адаптации. В ряду первых: произведения М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. Сорокина, Т. Парсонса. Существенное значение имеют работы психологов Г. Айзенка, Г. Гартмана, И.А. Милославовой, А.А. Налчаджяна, Ж. Пиаже, Л. Филипса. Мы использовали концепции и подходы, отражающие новейшие достижения в рассматриваемой области, включая переосмысление концепций социальной адаптации Э. Гиддена, П.С. Кузнецова, М.А. Шабановой, Л.В. Корель, М.В. Ромма, Л.Л. Шпак. Автор опирался также на теории модернизации (Ш. Айзенштадт, С. Хантингтон, Д. Эптер), структурно-деятельностную концепцию трансформационного процесса Т.Н. Заславской, концепцию "социокультурной трансформации" Н.И. Лапина, теорию "социального становления" П. Штомпки, социологический анализ социальных процессов в постсоветской России (Т.Н. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада) и анализ проблем, связанных с личностными — субъектными трансформациями: концепции целенаправленного поведения И.К. Кряжевой и Н.Ф. Наумовой, "модернизации человека" Г.Г. Дилигенского, теоретические разработки проблемы толерантности В.В. Шалина.

Эмпирическая база. Работа основывается на результатах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), который осуществляется в форме периодически повторяющихся опросов, начиная с 1994 г. Мониторинг проводится Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН, Исследовательским центром "Демоскоп" и Центром народонаселения Университета Северной Каролины (США). Автор является соруководителем проекта РМЭЗ.

РМЭЗ проводится по тщательно разработанной в ходе консультаций с ведущими мировыми экспертами в области выборочных обследований всероссийской территориальной стратифицированной многоступенчатой вероятностной выборке. Она обеспечивает возможность как сравнительного анализа одномоментных данных всех волн РМЭЗ, так и анализа панельных данных. Последний дает возможность проследить судьбу *конкретных индивидов* в условиях переходной экономики, оценить, какказываются на них те или иные социально-экономические реформы.

В каждой волне мониторинга опросом охватывается свыше 4,5 тыс. домохозяйств и около 12 тыс. индивидов (в том числе порядка 10 тыс. взрослых, старше 14 лет) в 38 регионах Российской Федерации.

Особенностью РМЭЗ является широта охвата социально-экономических показателей: в единую базу собрана информация о структуре доходов и расходов, материальном благосостоянии, структуре занятости, миграционном поведении, состоянии здоровья и структуре питания, о планировании семьи, динамике образования и иных показателях жизнедеятельности. Важно, что в программу мониторинга включен целый ряд показателей, которых нет в государственной статистике.

Анализ, проведенный в диссертационном исследовании, основывается на результатах семи волн (1994, 1995, 1996, 1998, 2000, 2001 и 2002 г.). Все обследования были проведены в октябре – ноябре соответствующего года для учета эффекта сезонности, а данные всех волн были взвешены для обеспечения сопоставимости полученных результатов. Поскольку РМЭЗ не предназначен для регионального анализа, данные по регионам следует рассматривать как иллюстративный материал¹.

Был осуществлен сравнительный анализ данных нашего мониторинга с результатами других исследований, в том числе проводимых Госкомстатом.

Значительный эмпирический материал собран в процессе анализа документов государственных и общественных организаций, законодательных актов, материалов информационных периодических изданий.

Научная новизна работы определяется в первую очередь проведением системного анализа процессов адаптации россиян к радикальным реформам на основе мониторинговых данных, охватывающих десятилетие, начиная с 1994 г. Впервые современные процессы социальной адаптации исследуются в динамике на основе адекватно сопоставимых эмпирических данных.

Более конкретно научная новизна работы заключается в следующем:

- расширено понимание сущности и содержания процессов адаптации в реформируемом обществе, дополнены современные положения о механизме социальной адаптации: даны новое определение механизма социальной адаптации и характеристика его основных структурных элементов, рассмотрены стратегии и способы адаптации к условиям трансформирующегося общества;

- уточнена система критериев оценки результатов адаптации: объективных или поведенческих и субъективных, отражающих внутреннее состояние адаптанта; сконструирован и апробирован обобщающий индекс социального

¹ С подробным описанием выборки и процедур мониторинга можно познакомиться в: *Сваффорд М., Косолапов М. С., Козырева П. М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): изменение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С.153–172.*

самочувствия, включающий в качестве взаимосвязанных компонентов индекс удовлетворенности и стабильности существования, индекс статусно-престижной идентичности, индекс самооценки состояния здоровья;

- рассмотрена динамика изменений уровня жизни в контексте адаптации населения к реформам: показаны изменения в структуре доходов и расходов домохозяйств в соответствии с направленностью рыночных реформ; зафиксировано в динамике расслоение общества по доходам и собственности;

- представлена эволюция социального самочувствия россиян в рассматриваемый период и выделены группы, для которых характерно достижение того или иного состояния адаптированности;

- сделана попытка установления связи между состоянием адаптированности и положением в системе социального расслоения; выявлены особенности изменения социальной самоидентификации и проектирования людьми своей социальной мобильности на различных этапах трансформационного процесса;

- дана характеристика субъективной оценки социального статуса обсле-дуемых по критерию своей принадлежности к нижним, средним или верхним слоям российского общества;

- представлен анализ динамики самооценок соответствия личностных качеств респондентов новой экономической ситуации в России и дана характеристика групп населения, различающихся по этому критерию;

- проанализированы проблемы, связанные с изменением отношения к труду на этапе перехода к рыночной экономике и уточнено место, которое занимают проблемы занятости и трудоустройства, вторичной занятости и профессиональной мобильности в адаптации населения к рыночным реформам;

- на основе данных мониторинга проанализирована взаимосвязь между процессами социальной адаптации (дезадаптации) и социального неравенства; установлено соотношение роли внешних по отношению к человеку и личностных факторов в распространении бедности и нищеты, выявлено соотношение временной и постоянной бедности и прослежена их динамика;

- исследовано влияние экономического положения индивидов на их социальное самочувствие, уточнена взаимосвязь динамики благосостояния с оценками изменения материального положения семей и оценками жизненных перспектив;

- рассмотрена динамика распространения различных способов выживания и форм "рыночного поведения", дан сравнительный анализ активных и пассивных его стратегий;

- проанализированы тендерные аспекты неравенства в изучаемой проблеме;

- предложен критерий выделения уровней толерантности в трёх измерениях: между богатыми и бедными; между "простыми людьми" и теми, у кого

много власти; между молодежью и людьми старшего поколения; осуществлено изучение процессов социальной адаптации во взаимосвязи с развитием толерантного сознания.

Положения, выносимые на защиту

1. Адаптация населения к условиям трансформирующегося общества представляет собой единство многоплановых и разноуровневых процессов приспособления к социальным изменениям, которые вызваны радикальными преобразованиями, охватывающими всю систему российского общества. Центральное место среди них принадлежит социально-экономической адаптации, связанной с приспособлением человека к рыночным реформам.

2. Важнейшими индикаторами адаптации населения к реформам выступают показатели достигнутого уровня и качества жизни. Изменения в уровне благосостояния, структуре реальных доходов и расходов позволяют судить о степени активного или пассивного использования гражданами их адаптационных возможностей. Если на первых этапах реформ отмечалось заметное ухудшение практически всех показателей уровня и качества жизни населения, то с начала нового века фиксируются положительные сдвиги. Вопреки значительным трудностям происходит постепенное освоение населением нового социального пространства, сокращение доли неадаптированных людей.

3. Этапы эволюции социального самочувствия в основном совпадают с динамикой социально-экономического положения населения. Наметившийся рост адаптированного поведения находит выражение в улучшении социального самочувствия, повышая степень участия граждан в поддержке реформ, что обнаруживается практически во всех социально-демографических группах.

4. Нынешнее российское общество значительно дифференцировано по уровню адаптации к трансформирующимся социальным условиям. Даже внутри групп, находящихся на одной ступени адаптации по субъективной оценке, наблюдается существенная дифференциация в экономическом, социальном, культурном и психологическом отношениях. Освоение новых поведенческих стандартов далеко не всегда согласуется с внутренним состоянием адаптанта, а достигнутый уровень социального самочувствия — с провозглашенными ценностями.

5. Трудности адаптации к условиям рыночной экономики на первых этапах реформ во многом были обусловлены кризисом в сфере труда: понижением роли и места труда в жизни человека, массовым отчуждением работников от самого процесса труда, потерей интереса к труду, снижением трудовой мотивации. В ходе экономических реформ не удалось преодолеть этот кризис. При переходе к рыночной экономике наблюдалась потеря людьми уверенности в собственных силах, сохранение приверженности прежнему типу патернализма,

снижение качества трудового потенциала занятого населения, депрофессионализация рабочей силы. О глубине современного кризиса труда свидетельствует низкий уровень общей удовлетворенности трудом и отдельными его сторонами.

6. В основе экономического поведения значительной части российских семей по-прежнему лежит пассивная стратегия адаптации, основанная на экономии и отказе от самого необходимого. Однако в самое последнее время роль пассивных адаптационных практик стала ослабевать. Трансформационные трудности вынудили многих россиян обратиться к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на домашнем производстве и использовании личных материальных ресурсов.

7. Анализ влияния факторов адаптированности свидетельствует о возрастании роли предпримчивости, инициативности и других конкурентных ресурсов людей. Важнейшими предпосылками успешности адаптации к рыночной экономике выступает стремление к сохранению работы или трудуоустройству на другом месте занятости. Существенную роль играют предпринимательская активность, вторичная занятость и ориентация на социальную мобильность.

8. В период социальных трансформаций в полной мере проявилась взаимосвязь бедности с уровнем социально-экономического развития страны и отдельных регионов, общим состоянием производства, приспособительными возможностями предприятий и организаций, обеспечивающих экономическое развитие и предоставляющих рабочие места. Основными причинами бедности становятся также повышенная изждивенческая нагрузка, наличие в семье незанятых лиц трудоспособного возраста, ориентация на пассивные способы адаптации. Факторами, повышающими адаптационные возможности и снижающими вероятность попадания в категорию бедных, являются высокий уровень образования и профессиональной квалификации, освоение востребованной профессии или специальности.

9. В практике социального взаимодействия выделяются две альтернативные стратегии, которые обозначают выбор между парадигмой сотрудничества, гармонизации отношений, обеспечения личной и общей безопасности и принципом соперничества, противостояния, агрессии: консенсиализм и диссенсиализм. Преобладающими являются группы, считающие, что сегодня их жизненные интересы, равно как и интересы общества, реализуются целиком или преимущественно на конфронтационной основе.

10. Формирование новой системы ценностей сопряжено с большими трудностями, поскольку в российском обществе поддержка демократических и рыночных преобразований довольно часто сопряжена с неприятием новых институтов, правил и процедур. В современном российском обществе толерантность не относится к числу доминирующих ценностей. Несмотря на определенные позитивные сдвиги, значительное большинство россиян не допускает воз-

можности достижения толерантных взаимоотношений между людьми, находящимися на полюсах богатства и власти.

11. Люди становятся нетолерантными к мировоззренческому и политическому разнообразию, как только вопрос из сферы абстрактных представлений переходит в плоскость решения конкретных проблем, связанных с обеспечением политических и гражданских прав и свобод. Сложность процессов формирования и развития толерантного сознания не ограничивается переориентацией тех или иных установок, а затрагивает всю систему ценностных ориентации.

12. Преобладание позитивного спектра в социальном самочувствии россиян, размытие признаков прежней ущемленности, снижение потенциала нетерпимости в последние годы способствуют формированию благоприятных условий для продвижения по пути реформ. Подобные изменения в адаптации населения к обновляющимся условиям, произошедшие к началу 2003 г., свидетельствовали, что в обществе складывались предпосылки для развития стабилизационных и интеграционных процессов.

Теоретико-практическая значимость работы заключается прежде всего в анализе одного из главных показателей результативности социально-экономических и политических преобразований в России — процессов социальной адаптации на протяжении 10 лет; в концептуально-теоретическом обогащении интерпретации данного процесса; разработке обоснованной оригинальной методики его изучения.

Работа может быть использована в области выработки государственной социальной политики, и в частности своевременного выявления групп населения, требующих специальной государственной поддержки — адресной помощи, определения возможной социальной базы протеста, а также перспективных ресурсных групп с высоким адаптационным потенциалом.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при выработке практических мер по развитию толерантности и профилактике экстремизма, обеспечению баланса интересов и партнерских отношений различных групп общества, установлению гражданского согласия в обществе и при выработке среднесрочных и долгосрочных социальных прогнозов.

Они также существенны в разработке учебных курсов по социологии и социальной психологии.

Апробация исследования. Результаты исследования неоднократно докладывались автором на всероссийских социологических конгрессах и конференциях, на международных конференциях и семинарах, представлялись в виде докладных записок в Правительство РФ и Администрацию Президента РФ, отражены в публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти разделов, заключения и списка литературы. Текст диссертации содержит 80 таблиц, схем и рисунков. Библиография включает 415 наименований источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрывается актуальность темы, оценивается состояние ее разработанности, определены предмет, цели, задачи и гипотезы исследования, характеризуются теоретические и методологические основы, эмпирическая база, научная новизна, теоретико-практическая значимость проделанной работы, приводится перечень положений, выносимых на защиту.

В первом разделе "Теоретико-методологические и методические проблемы исследования", состоящем из трех глав, анализируются теоретико-методологические подходы к изучению процессов социальной адаптации.

В главе 1.1 "Социальная адаптация: понятие и механизм" отмечается, что, во-первых, изучение особенностей адаптации населения к условиям трансформирующегося общества опирается на анализ понятия "социальная адаптация" как процесса, в котором социальные субъекты приспосабливаются к новой среде, и, во-вторых, на традиционные интерпретации социальной адаптации (основываются на идеях Ю.А. Александровского, Г. Айзенка, М.И. Бобневой, М. Вебера, Г. Гартмана, Р. Мертона, Т. Парсонса, Ж. Пиаже, Б.Ф. Поршиневой, П.А. Сорокина, Л. Филипса, Г.И. Царегородцева и др.)¹, которые по-прежнему важны для исследований различных адаптационных процессов. Акцентируется внимание на анализе современных социологических и философских интерпретаций социальной адаптации и ее механизма, изложенных в работах В.Н. Волкова, Л.В. Корель, П.С. Кузнецова, М.В. Ромма, М.А. Шабановой,

¹ См.: Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М., 1976; Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Милославова И.А. Понятие и структура социальной адаптации. Л., 1974; Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994; Поршинев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. М.: Наука, 1997; Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. М., 1975; Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969; Bennet J. W. The Ecological Transition: Cultural Anthropology and Human Adaptation. N.Y.: Pergamon Press, 1976; Cohen YA. (ed.). Man in adaptation: The Cultural Present. Chicago: Aldine Publishing Co., 1968; Hartmann H. Ego psychology and the Problem of adaptation. N. Y., 1958; Introduction to the Science of Sociology / Ed. By R. Park and E. Burgess. Chicago Univ. Press, 1969; Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934; Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957; Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs (N.J): Prentice-Hall, 1966; Philips L. Human adaptation and his failures. Academic Press. N. Y., London, 1968 идр.

Л.Л. Шпак, Ю.Б. Урманцева, В.Б. Устьянцева, Е.П. Яковлевой и других авторов¹.

Мы исходим из понимания социальной адаптации как двустороннего процесса практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, в ходе которого изменяется не только субъект, но и среда. Социальная адаптация рассматривается не только как процесс, но и как определенное состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности. Адаптация как процесс и адаптация как состояние не являются чем-то обособленным, а составляют единое целое. Она представляет собой изменение, определенный порядок развития данного процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояний во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой. Категория "состояние", выражая темпоральный период тех или иных изменений, определяется совокупностью характеристик и отношений, которые сами изменяются. Иными словами, состояние адаптации — это некоторый этап, стадия ее развития и одновременно результат, отражающий достигнутый уровень, степень адаптированности.

Механизм социальной адаптации личности — основного субъекта адаптации — в исследовании определен как совокупность внутренне присущих ей взаимосвязанных, взаимообусловленных состояний и процессов, и прежде всего социализации, посредством которой осуществляется усвоение норм и ценностей общества и данной социальной среды, и проявлений активности субъектов, направленной на изменение своего положения и преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности.

Адаптация личности есть двуединый процесс объективации и субъективации, который реализуется путем социализации (процессы интериоризации и экстерiorизации) и практических действий, направленных на изменение социальной среды. В процессе адаптации происходят освоение людьми новых социальных ролей, глубокие изменения мотивационной сферы, восприятия индивидами себя и своего окружения и многое другое. В отличие от социализации социальная адаптация предполагает не только усвоение индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, общности, группе, но и изменение, преобразование этих норм и правил. В самом широком

¹ См.: Волков В.Н. Онтология личности. Иваново: Иван. гос. ун-т., 2001; Корель Л.В. Социология адаптации: Этюды апологии. Новосибирск: PAR Сиб. отд-ние, 1997; Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000; Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука. Сиб. издательская фирма РАН, 2002; Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9; Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, проблемы, направления: Дис. ...д-ра, филос. наук. Кемерово, 1991; Урманцев Ю.Б. Природа адаптации (Системная экспликация) // Вопросы философии. 1998. № 12 и др.

смысле она выступает как форма активного отношения человека к окружающей действительности и отождествляется с деятельностью, понимаемой в современной теоретической социологии как двойное преобразование: объективно существующих структур (например, границ социальных статусов) и личностного потенциала (ресурса, социального капитала).

Подчеркивается, что центральным элементом механизма социальной адаптации выступают цели адаптации, в которых выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой. В соответствии с той или иной целью строится адаптационная стратегия, реализуемая посредством опробования различных способов адаптации, которые представляют собой конкретные социальные действия, поведение, поступки в нестандартных ситуациях. Способы адаптации — это такие действия или поведение, которые, принимая форму экономического, политического и иного участия в трудовой, общественно-политической, познавательной и иной деятельности, позволяют реализовать, пусть даже частично или ограниченно, адаптационный потенциал или укрепить адаптационные ресурсы. Для каждой стратегии характерны свои способы адаптации, но использоваться они могут в разных сочетаниях.

В главе 1.2 *"Процессы социальной адаптации в трансформирующемся обществе"*дается общая характеристика исторического периода, переживаемого российским обществом на рубеже XX—XXI веков, суть которого составляют радикальные преобразования общесистемного характера, глубокие и динамичные перемены во всех сферах общества. Анализ опирается прежде всего на произведения Ш. Айзенштадта, С. Блэка, С. Хантингтона, Д. Эптера и других западных ученых, внесших значительный вклад в исследование модернизационных процессов¹. Автор выделяет и рассматривает группы теорий и концепций, характеризующие происходящие в России изменения в терминах "модернизации" и "трансформации", которые изложены в работах Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой, Б.А. Грушина, Е.Н. Даниловой, Г.Г. Диленгского, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, Н.Ф. Наумовой, Р.В. Рыбкиной, В.Г. Федотовой, П. Штомпки, В.А. Ядова и др.².

¹ См.: Apter D. The Politics of Modernization. Chicago: University of Chicago Press, 1965; Black. C.E. The Dynamics of Modernization. New York: Harper and Row, 1966; Eisenstadt S.N. Modernization and Conditions of Sustained Growth. World Politics. 1964. 16 (July). P. 576—594; Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968; Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960 и др.

² См.: Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века: Дис.... д-ра, социол. наук. М., 1997; Голенкова З.Т. Динамика социокультурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10; Диленгский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002; Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социокультурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; Отв. ред.

Предлагается социокультурная типология социальной адаптации. Отмечается, что в соответствии с типами социокультурных трансформаций (по Н.И. Лапину)¹ можно фиксировать четыре устойчивых типа адаптации, которые конструируются в параметрах "конформизма — нонконформизма" и "толерантности — интолерантности" как пересекающихся, взаимодействующих, но не сводимых друг к другу самостоятельных измерений: I тип — интолерантный конформизм; II тип — толерантный конформизм; III тип — интолерантный нонконформизм; IV тип — толерантный нонконформизм. Два первых типа характерны для процессов традиционализации (ранняя традиционализация — интолерантный конформизм, поздняя традиционализация — толерантный конформизм), третий и четвертый — для процессов либерализации (ранняя либерализация — интолерантный нонконформизм, зрелая либерализация — толерантный нонконформизм).

Каждому типу соответствуют "свое" отношение к экономическим и политическим ценностям, определенные жизненные идеалы. Так, I тип адаптации представлен приверженностью к отмирающим экономическим и политическим ценностям, тягой к прошлому. Здесь доминируют пассивная адаптация и "выживание". В то же время IV тип характеризуется доминированием новых экономических и политических ценностей; таких идеалов, как правовое государство, гражданское общество и цивилизованный рынок; активными стратегиями и способами адаптации. Между этими типами существуют переходные ступени, в основе которых лежит относительный конформизм и относительный нонконформизм. Так, II тип представлен принятием новых политических ценностей и тяготением к дореформенным экономическим ценностям; поддержкой демократических свобод и государственного регулирования; полупассивной адаптацией. И наконец, III тип адаптации характеризуется доминированием новых экономических и советских политических ценностей, идеалов державности, "дикого рынка", полуактивной адаптацией. Все четыре типа перемежаются, наполняясь новым содержанием (классовым, профессиональным, идеино-политическим и т.д.).

Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999. С. 149—167; Кастель М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. 2001. № 1; Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000; Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия?. Итоги социальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 162—170; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Рыжкина Р.В. Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001; Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10—11 и др.

¹ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000.

Отслеживание этих типов за 10-летний период в масштабных социологических исследованиях показывает, что "архаический" I тип постепенно теряет свои позиции, а инновационный IV тип очень медленно, но постепенно усиливается. Однако основную массу до сего времени составляют промежуточные, переходные II и III типы, которым свойственно неустойчивое, колеблющееся соединение традиционных и либеральных ценностей. Именно эта неустойчивость уменьшает социальную базу инновационного процесса и является резервом социального консерватизма и социально-статусной маргинальности в современной России.

Предпринята попытка анализа особенностей современных адаптационных процессов¹. В работе доказывается, что в трансформирующемся обществе совершенно по-новому выясняются и приобретают весомость различные аспекты социального приспособления, среди которых на первый план выступают процессы социально-экономической адаптации. Их ведущая роль определяется тем, что они непосредственно связаны с трудом, представляющим собой, как показал К. Маркс, независимое от всяких общественных форм, главное условие существования человека².

Процессы адаптации в трансформирующемся обществе разворачиваются в виде нескольких последовательно сменяющихся стадий. Как отдельные

¹ См.: Абраамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии "негативной" адаптации // Социологические исследования. 1999. № 4; Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academica, 2001; Голуб О.Ю. Социальные механизмы адаптации на рынке труда / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002; Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. № 8—9; Демин А.Н., Пополова И.Л. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социологические исследования. 2000. № 5; Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под ред. В. Кабалиной и С. Кларка. М: РОССПЭН, 1999; Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001; Корель Л.В. Генезис и механизм адаптации в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 204—245; Магун В.С., Гимпельсон В.Е. Стратегия адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования. 1993. № 9; Многоаспектность адаптации населения к изменяющемуся миру: Всероссийская научно-практическая конференция, 24—25 мая 2000 г.: Сб. материалов / Под ред. А.В. Пузырева. Пенза: Приволж. Дом знаний, 2000; Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М.: Пер СЭ, 2003; Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества: Материалы вторых Мильнеровских чтений (Москва, декабрь, 1998 г.) / Науч. ред. Э. Б. Гилинская, С.Н. Смирнов. М.: ГУ ВШЭ, 1999; Сметанин Е.Н. Адаптация населения к современной экономической ситуации // Социологические исследования. 1995. № 4; Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3 и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 23. С. 51.

индивидуды, так и социальные группы приспосабливаются к вызовам социальной среды неодинаково, с разной скоростью и интенсивностью, что обуславливает разновременность, рассогласованность адаптационных процессов. Особенности, темпы и результаты социального приспособления в решающей степени определяются адаптационным потенциалом как совокупностью ресурсов, которые находятся в распоряжении адаптанта. В качестве нематериальных ресурсов могут выступать ценностно-нормативная структура, статусные и социально-психологические характеристики и т.д. Основу адаптационных ресурсов составляет индивидуально-личностный капитал.

Составляющие этого капитала могут выступать не только в качестве адаптационного ресурса, но и в виде адаптационного барьера. На этапе трансформаций высокие нравственные качества, интеллигентность, профессиональная компетентность и даже высокий уровень образования нередко становятся серьезным барьером на пути достижения успеха. Зачастую удача сопутствует тем, кто не отличается высокой нравственностью, знаниями действующего законодательства, не особенно разборчив в средствах достижения своих целей. Состояние аномии ("культурной травмы", по П. Штомпке), характерное для значительной части населения, когда ранее существовавшие социальные нормы и ценности перестают регулировать поведение людей, а общезначимые новые нормы еще не освоены, содействует появлению способов активного приспособления к социальным изменениям, находящихся на грани или выходящих за рамки закона. Вред, наносимый подобными действиями обществу, вполне очевиден, но для отдельных людей они оказываются весьма эффективным средством улучшения своего положения и адаптации к изменяющейся действительности.

Трансформационные процессы сопровождаются резким усилением нестабильности, дезорганизации всех сфер общественной жизни. На пиках кризиса их энтропия стремится к наивысшему значению. Соответственно меняются и характеристики социальной адаптации: спонтанное освоение новых форм и способов социального приспособления, преобладание инициативы над ответственностью, эмоционального над рациональным и т.п. Всплески активности чередуются с падением интереса к происходящим событиям, энтузиазм одних соседствует с растерянностью и подавленностью других.

На основании проведенного анализа делается вывод, что в основе развития процессов социальной адаптации лежат два начала: стихийное и организационное. Стихийное начало служит источником спонтанного развития адаптационных процессов, отражает деятельную природу человека, его активное отношение к действительности. Содержание организационного начала составляют элементы целенаправленного управления, которые заключаются в создании условий для оптимизации процессов адаптации. Поскольку речь идет об управ-

лении процессами адаптации людей, обладающих собственной волей, имеющих свободу выбора социального поведения, управлять ими можно прежде всего путем побуждения к адекватным социально-экономическим и иным условиям деятельности. До последнего времени созданию благоприятных для людей условий уделялось слишком мало внимания. Между тем одно из условий эффективного реформирования общества — минимизация трудностей адаптации граждан к радикальным переменам.

В главе 1.3 "*Методология изучения состояний и процессов адаптации*" адаптация населения к условиям трансформирующегося общества интерпретируется как единство многоплановых и разноуровневых процессов приспособления индивидов и социальных групп к изменениям, которые вызваны радикальными преобразованиями, захватывающими все структуры общества. Многопланность и разноуровневость данного феномена обусловили разнообразие конкретных подходов к изучению состояний и процессов социальной адаптации. Эти подходы используются не только как основные методические ориентиры, но и как своего рода главные центры притяжения, к которым тяготеют все остальные.

Прежде всего мы исходили из того, что социальная адаптация выступает в тесном единстве внутренней и внешней сторон, что вызывает необходимость учитывать изменения: во-первых, относящиеся к внутреннему состоянию адаптанта; во-вторых, охватывающие преимущественно поведенческие аспекты, т.е. внешние поведенческие реакции, те или иные действия и поступки, направленные на освоение обновляющейся среды. Соответственно использовались два типа критерии: 1) социальное самочувствие; 2) степень освоения новых поведенческих образцов и стандартов.

Для измерения социального самочувствия, выступающего в качестве интегрального показателя степени адаптированности, "базовым элементом, свидетельствующим об определенных достижениях" в конкретной ситуации¹, был сконструирован интегральный индекс из трех составляющих: 1) *индекс удовлетворенности и стабильности существования*, позволяющий идентифицировать респондентов по их представлениям об актуальных для них условиях человеческого выживания, в основе которого лежат оценки удовлетворенности своей жизнью на момент опроса; изменения положения своей семьи в ближайшие 12 месяцев; уверенности в том, что они смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев; 2) *индекс статусно-престижной идентичности (самооценки)*, позволяющий идентифицировать респондентов по их субъективным представлениям о своем положении в экономико-политической

¹ Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 610.

организации ("статусной" и одновременно "престижной") российского общества на основании оценок респондентами своего положения в континуумах: "нищих" и "богатых"; "бесправных" и "тех, у кого много власти"; "тех, кого совсем не уважают" и "тех, кого очень уважают"; 3) *индекс самооценки состояния здоровья*.

В качестве непосредственных поведенческих критериев в нашем исследовании выступает степень освоения (распространенности) тех или иных стратегий, способов адаптации, моделей адаптационного поведения. Например, к способам социально-экономической адаптации относятся, с одной стороны, различные формы рыночного участия, экономической мобильности, с другой — формы самообеспечения или рационализации потребностей семей.

Другой подход связан с понятиями "уровень жизни" и "качество жизни". Изменения в уровне благосостояния, структуре реальных доходов и расходов семей и т.п. выступают показателями реальной картины социально-экономической адаптации.

Еще один подход основывается на рассмотрении процессов социальной адаптации во взаимосвязи с процессами развития толерантного сознания. В исследовании толерантность выступает в качестве одного из важнейших показателей соответствия ценностных ориентации россиян новой системе норм и ценностей, утверждающейся в обществе. Достигнутый уровень проникновения идей взаимопонимания и сотрудничества в массовое сознание, степень согласия или несогласия, принятия или непринятия тех или иных ценностей позволяют судить об адаптированности людей к обновляющимся социальным условиям.

За отправную точку приняты ответы респондентов, демонстрирующие степень их приверженности ценностям толерантности в обществе с рыночной экономикой и политической системой демократического типа. Предлагалось оценить возможность достижения взаимопонимания и сотрудничества между тремя парами полярных групп: 1) между богатыми и бедными; 2) "простыми людьми" и "теми, у кого много власти"; 3) молодежью и людьми старшего поколения.

Выделение толерантности в качестве самостоятельного индикатора адаптированности дает возможность не только выявить специфику эволюции представлений россиян о возможности реализации идей достижения взаимопонимания и сотрудничества в обществе, но и рассмотреть альтернативные стратегии социального взаимодействия в экономической, политической и иных сферах, проблемы преодоления нетерпимости.

Во втором разделе "**Уровень жизни и эволюция социального самочувствия**", включающем три главы, дается обобщенная картина динамики уровня жизни, отражающая процессы адаптации к реформам, и прослеживается ее взаимосвязь с эволюцией социального самочувствия россиян.

В главе 2.1 *"Динамика уровня жизни в контексте адаптации населения к рыночным реформам"* характеризуются основные тенденции изменения уровня жизни на разных этапах систематических наблюдений. Отмечается, что на первом этапе произошло заметное ухудшение практически всех основных показателей уровня и качества жизни населения, поставленного на грань выживания. Пик спада пришелся на конец 1998 г., когда реальные доходы и расходы домохозяйств уменьшились в сравнении с 1994 г. на 42%. В процессе адаптации к рыночным реформам население столкнулось с нарастающими трудностями: безработицей, новыми проявлениями профессиональной невостребованности, дорожевизной жизни, безудержным ростом цен, многомесячными задержками выплат заработной платы, пенсий, социальных пособий и т.д. Все это значительно подорвало адаптационные ресурсы россиян. Характерным стало обращение населения к интенсивному использованию потенциала семьи и социальных связей. Об этом свидетельствует рост доли дохода от домашнего производства за 1994–1998 гг. с 16 до 23,4%, в том числе натурального дохода — с 10,8 до 17,8%. Повысилась роль помощи от родственников и благотворительной помощи в структуре доходов семей.

Конец 2000 г. обозначил начало нового этапа, характеризующегося постепенным экономическим ростом и более энергичными попытками проведения либеральных реформ. За 1998–2002 гг. средние реальные доходы домохозяйств выросли на 64,5%, расходы — на 38%. Наиболее глубокие перемены приходятся на 2000–2002 гг. Главными причинами позитивных изменений стали сокращение масштабов невыплат заработной платы, изменение трансфертной политики, рост и своевременность выплат пенсий и социальных пособий. Эти процессы существенно укрепили адаптационные возможности граждан и стабилизационный потенциал общества. Началась переориентация части населения на более эффективные способы социально-экономической адаптации. Доля денежного дохода от домашнего производства и частного сектора выросла за 1998–2002 гг. с 5,6 до 7,1%, в то время как доля натурального дохода снизилась почти в два с половиной раза — с 17,8 до 7,5%. Менее значимую роль стала играть помощь родственников и благотворительных организаций.

О развитии адаптационных процессов свидетельствует более активное включение населения в рыночную экономику. За 1994–2002 гг. доля дохода от работы на частных предприятиях выросла с 8,3 до 12,5%. Процент домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях увеличился с 16,6 до 23%. Продолжился процесс изменения структуры расходов в соответствии с логикой рыночных преобразований, суть которого заключается в сокращении расходов на продукты питания и их увеличении на покупку непродовольственных товаров, квартплату и коммунальные услуги.

В процессе реформ произошло беспрецедентное расслоение общества по доходам и собственности, многократно увеличился разрыв в уровне материального благосостояния беднейших и самых богатых слоев. Образовалась пропасть между крупными городами, располагающими высокими рыночными возможностями, и остальной частью России, особенно селом. Средние реальные доходы в высокодоходном и низкодоходном квинтилях в разные годы исследования отличались в 6,5–7,5 раз. Существует тенденция к опережающей имущественной обеспеченности в высокодоходных группах населения. В 2002 г. домохозяйства самого богатого квинтиля тратили почти в 8 раз больше, чем беднейшие 20% домохозяйств.

Описанная тенденция способствует углублению неравенства и консервации бедности, затрудняя адаптацию населения к реформам. Не содействует выравниванию доходов в условиях высокой их дифференциации нынешняя трансфертная политика. Необходимы разработка и реализация эффективных программ занятости; реформирование системы оплаты труда, направленное на повышение уровня заработной платы и приведение ее в соответствие с реальным прожиточным минимумом (с учетом конкретной ситуации в регионах); индексация и обеспечение своевременности выплат заработной платы, пенсий и социальных пособий.

Анализ показывает, что в массовом сознании рыночные реформы связываются не столько с созданием конкурентной среды, с новыми инвестициями в производство, появлением новых возможностей, сколько с коррупцией, присвоением общественного богатства, созданного трудом нескольких поколений, узкой прослойкой людей. Не случайно к концу 2002 г. увеличилось число людей, поддерживающих повышение роли государства в различных сферах, но прежде всего в образовании, науке, здравоохранении, социальном обеспечении, культуре.

В главе 2.2 "*Эволюция социального самочувствия*" подчеркивается, что социальное самочувствие россиян в последнее десятилетие обладало всеми характеристиками, свойственными переломному периоду в развитии общества.

I этап (1994 – первая половина 1998 гг.) характеризуется общим низким уровнем социального самочувствия. В конце 1994 г. в зону позитивного самочувствия попадали около четверти в основном адаптированных россиян, негативного – 39,5% неадаптированных. Социальное самочувствие остальных (35,5%) характеризовалось как среднее. На этом этапе последствия "шоковой терапии" оставались главным фактором, определяющим настроения наиболее крупных групп и слоев населения. Распределение респондентов по индексу социального самочувствия оставалось достаточно стабильным. Однако стабилизация была достигнута на уровне, для которого характерно существенное преобладание негативных настроений над позитивными. Вместе с тем при сохра-

нении указанных общих пропорций наблюдалось существенное изменение состава групп, различающихся по критерию социального самочувствия. В таком ракурсе рассматриваемый отрезок предстает как период "подвижной негативной стабилизации", когда проблемы, отягощающие жизнь россиян, накапливались и не находили конструктивного решения.

II этап (вторая половина 1998 — 1999 гг.) отличается резким ростом критических настроений по отношению к курсу проводимых экономических и политических реформ и значительным ухудшением социального самочувствия населения как реакцией на последствия финансово-экономического кризиса 1998 г. Но даже в этот период индикаторы субъективного восприятия действительности не давали всеобщей катастрофической картины, выявляя определенный "разброс" с четко выраженным зонами негативного и позитивного социального самочувствия. Доля населения с плохим социальным самочувствием выросла до 45,9% (самое высокое значение за все время наблюдений в рамках РМЭЗ), позитивные настроения сохранили 21,5% россиян.

III этап (2000 — 2002 гг.) характеризуется улучшением и последующей стабилизацией социального самочувствия на позитивном уровне, которое затронуло все регионы. Несмотря на то, что социальное самочувствие на протяжении последних лет было стабильным, нельзя охарактеризовать его как статичное в каждый конкретный период. В конце 2002 г. доля россиян с хорошим социальным самочувствием составила 42,7%, с плохим — 21,7%. Практически полностью выравнялись показатели социального самочувствия в городах, в том числе в крупных и небольших, и в сельской местности.

Признаки положительных сдвигов в развитии адаптационных процессов обнаруживаются в разных социально-демографических группах. Высокий уровень социального самочувствия, характерный для адаптированных слоев, чаще всего согласуется с выбором в пользу рыночной экономики. Однако наметившиеся позитивные сдвиги еще не столь велики, чтобы компенсировать наиболее тяжелые социально-экономические и психологические издержки реформ, которые нередко преобладают над позитивными сторонами процессов. В итоге стабилизация социального самочувствия на позитивном уровне нередко оказывается довольно шаткой, сильно зависимой от воздействия случайных факторов.

В зависимости от уровня социального самочувствия и степени принятия или неприятия ценностей рыночной экономики выделяются следующие группы, характеризующиеся достижением определенной степени адаптированности.

Адаптированные "рыночники" (около 15%) — наиболее успешно интегрированные в новую систему. В данной группе провозглашенные принципы и нормы рыночной экономики хорошо вписываются в систему ценностных

ориентации, способствуя наиболее полной реализации адаптационных ресурсов. Высокий уровень социального самочувствия, быстрые темпы освоения ценностей рыночной экономики сочетаются с использованием (в процессе адаптации) широкого спектра форм рыночного поведения.

Адаптированные "нерыночники" (23,5%). Позитивное социальное самочувствие в данном случае нередко становится результатом умеренных притязаний, с одной стороны, и определенного компромисса, отказа от конфликта на почве неприятия условий новой среды, — с другой. В практическом плане представители данной группы обычно проявляютдержанное участие, комбинируют активные и пассивные способы адаптации.

Неадаптированные "рыночники" (3,5%). Одни представители этой узкой группы отличаются слабой склонностью к рыночным рискам и не могут найти своего места в новых условиях. Другие предпринимают решительные и не всегда успешные шаги, но не удовлетворены личными достижениями. Причиной их неудовлетворенности зачастую становится высокий уровень притязаний.

Неадаптированные "нерыночники" (20,7%). Это наименее адаптированные лица, которым свойственно пассивное экономическое поведение, принимающее вынужденные формы. У них нет ни четкой стратегии действий, ни более или менее надежных способов решения жизненных проблем. Для них характерны узкая ресурсная база и отказ от активного освоения новых ценностей и поведенческих практик.

Остальные респонденты наполнили промежуточные группы: у одних средний уровень социального самочувствия сочетается с признанием рыночных ценностей (11%), у других — с их неприятием (26,3%).

В главе 2.3 *"Особенности социальной самоидентификации и субъективной мобильности"* анализируется динамика социальных самоидентификаций. Отмечается, что глубокая дифференциация общества, размытость границ, разделяющих социальные страты, отсутствие устоявшейся системы социальной идентификации, универсальных критериев самоидентификации раскрывают еще один пласт особенностей современного российского общества. Вместе с тем на смену размытой переходной социальной системе идет жесткая, но чрезвычайно широкая социальная дифференциация, постепенно вырисовываются критерии индивидуальной и групповой идентичности. Уже очень четко выделяются границы самых верхних и самых нижних слоев, в общих чертах оформлены группы собственников, менее размытыми становятся рамки средних слоев, хотя нечеткость этих границ все еще остается наиболее характерной чертой современного российского общества. Важнейшими предпосылками становления новой социальной системы выступает экономическая и политическая

стабилизация, массовая адаптация населения к обновленным социальным условиям.

За время реформ произошли значительные изменения, связанные с усилением процессов вертикальной мобильности, тогда как в начале наблюдений мониторинг фиксировал относительно устойчивую структуру идентификаций. Во многом это было связано с тем, что наиболее существенные изменения в социальном положении населения произошли до начала систематических наблюдений (декабрь 1994 г.). И все же сегодня сохраняется довольно высокий уровень восходящей субъективной мобильности.

В диссертациидается подробная характеристика самоидентификации респондентов с нижним, средним и верхним слоями социальной иерархии. Подтверждается, что адаптивные и дезадаптивные процессы играют исключительно важную роль в социальной идентификации, поскольку в немалой степени определяют оценку индивидом своего места в социальном пространстве. Социальная идентичность постсоветского человека, отмечает Г.Г. Дилигенский, – это не столько самоопределение им своего устойчивого места в обществе, сколько отражение опыта и определение возможных перспектив индивидуального адаптационного процесса. Такая идентичность включает совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку индивидом своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности либо стабилизации своей ситуации в рамках этих условий¹.

Повышение позиций на идентификационных шкалах богатства и власти, перемещение респондентов из нижних слоев в средние, из средних в верхние или непосредственно из нижних в верхние выступает важным свидетельством улучшения условий жизни и роста адаптированности населения к реформам. Об этом говорит и более глубокое понимание населением общей направленности и результатов своих перемещений в социальном пространстве. Если ранее до четверти и более респондентов или не были способны артикулировать свое положение в обществе, или отказывались идентифицировать себя в том или ином плане, находя такую идентификацию либо бессмысленной, либо невозможной, то сегодня их доля сократилась более чем втрое.

Третий раздел "**Особенности трудовой адаптации в условиях перехода к рыночной экономике**", состоящий из четырех глав, посвящен характеристике стратегий и способов адаптации населения к рыночным реформам с точки зрения выяснения господствующих тенденций поведения на рынке труда и особенностей адаптации к измененной системе труда.

¹ Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002. С. 61.

В главе 3.1 "*Формирование рыночных качеств и отношение к труду*" рассматриваются особенности кризиса труда, обусловившие трудности адаптации населения к рыночной экономике. Делается вывод о том, что фронтальное внедрение рыночных отношений натолкнулось на пассивность, апатию, инерционность, неспособность к творческой, инновационной деятельности "патернализированного" массового работника, т.е. в полной мере проявилась неготовность значительного большинства работников к трудовой деятельности в новых экономических условиях.

На протяжении всех лет фиксировались низкие показатели соответствия личностных качеств требованиям современной рыночной ситуации в России, основанные на самооценках (от 37,8% в 1994 г. до 33% в 2002 г.). Отсутствие у работников таких качеств заметно затруднило дальнейший процесс адаптации населения к новой ситуации в сфере труда, где обострившиеся кризисные явления стали одной из основных причин падения уровня жизни и ухудшения социального самочувствия.

Экономические реформы не смогли преодолеть кризис труда. Устранив многие из прежних причин, лежащих в его основе, они одновременно породили новые, не менее серьезные, и довели до крайности некоторые старые. Речь идет не только о том, что многие потеряли уверенность в собственных силах, не нашли своего места в рыночной экономике, не приобрели необходимые "рыночные качества" и сохранили приверженность советскому типу патернализма, но и о дальнейшем углублении массового отчуждения работников от самого процесса труда как деятельности, эффективно удовлетворяющей разносторонние потребности личности. Очень низким остается уровень удовлетворенности трудом. Только каждого пятого работающего устраивает оплата труда; немногим более трети удовлетворены возможностями профессионального роста и условиями труда. Занятые на предприятиях и в организациях чаще удовлетворены своей работой, чем работающие вне сектора организованной занятости, значительная доля которых связана с неформальным сектором. Отмечается ухудшение социально-психологической атмосферы в трудовых коллективах, повышенная напряженность в отношениях между работниками и администрацией, специалистами и руководителями.

На этапе перехода к рыночной экономике результативность адаптации в наибольшей степени обеспечивается адекватным экономическим поведением, ведущей формой которого выступает участие в предпринимательской деятельности. Данная часть работающего населения представляет собой наиболее конкурентоспособный, активный и инициативный трудовой контингент, обладающий высокими адаптационными возможностями.

Постепенно усиливается процесс формирования работника нового типа с отношением к труду, адекватным рыночной ситуации, — ориентированного на

либеральную модель трудовых отношений, инициативного и предпримчивого, инновационно ориентированного и ответственного. В сферу актуализированных потребностей такого работника помимо материального интереса входят готовность повышать уровень образования, рост профессионализма, стремление к обогащению труда, общественному признанию, способность оказывать влияние на различные стороны своего труда. Но говорить сегодня о каком-либо переломе в этом звене еще рано. Для такого перелома важно создать совокупность предпосылок экономического, технологического, социально-культурного и иного характера, глубже вникать в сущность механизмов функционирования мотивации труда в новых условиях и в системе менеджмента создавать условия для преодоления стереотипов прежнего отношения к труду.

В главе 3.2 "*Занятость и трудоустройство*" подчеркивается, что ориентация на постоянную занятость приобрела сегодня жизненно важное значение и представляет основное содержание образа мышления и образа поведения значительной части населения. Стремление людей к трудоустройству и сохранению работы становится главнейшей чертой, определяющей успешность адаптации к рыночной экономике. В новых экономических условиях характер занятости выступает важнейшим фактором, определяющим уровень жизни и социальное положение работников и их семей, выбор путей и способов адаптации к трансформирующейся действительности.

Одним из следствий экономических преобразований стало сокращение экономически активного населения и рост безработицы, которая, однако, оказалась не такой значительной, как предполагалось. По данным РМЭЗ, уровень безработицы (с учетом скрытой безработицы) вырос с 7,7% в 1994 г. до 11,2% в 1998 г., но к концу 2002 г. снизился до 7%. В отсутствие эффективной политики, направленной на сокращение безработицы и увеличение занятости, та часть населения трудоспособного возраста, которая оказалась не востребованной на рынке труда, была вынуждена обращаться к малопродуктивным способам социально-экономической адаптации.

Временно не работающие, но занимающиеся поиском работы отличаются одними из самых низких показателей социального самочувствия. Однако в наибольшей степени ощущение социального дискомфорта характерно для людей, не способных работать по состоянию здоровья. Наличие работы является существенным фактором, определяющим социальное самочувствие пожилых людей. Для работающих пенсионеров характерна самая высокая степень общей удовлетворенности работой, а также оплатой и условиями труда.

Одним из наиболее серьезных факторов ухудшения социального самочувствия является угроза потери работы. Тревога по этому поводу, нараставшая до ноября 1998 г., хотя и пошла на убыль, но остается довольно высокой. В то

же время существенно усилилась уверенность россиян в способности найти подходящую работу в случае потери основного рабочего места. К концу 2002 г. доля респондентов, в той или иной степени убежденных в способности самостоятельно решить эту проблему, выросла в сравнении с ноябрем 1998 г. более чем в два раза — с 15,2 до 30,7%.

С большими трудностями при трудоустройстве сталкиваются молодые люди, не обладающие высоким уровнем квалификации и большим опытом профессиональной деятельности. Связь вузовского образования с выбором профессиональной деятельности в трансформирующемся обществе не столь определенна и устойчива, как в стабильном обществе. Но именно с образованием многие молодые люди связывают свое профессиональное и социальное самоопределение. Образование остается одним из наиболее весомых адаптационных ресурсов¹, лежит в основе формирования доминирующих адаптационных стратегий молодежи.

Важнейшими предпосылками формирования рациональной системы занятости, снижения уровня безработицы являются экономический рост, сопровождающийся созданием новых рабочих мест, реализация специальных программ занятости. Все более очевидной становится необходимость создания системы опережающей переподготовки и повышения квалификации специалистов. В настоящее время хорошо налаженная система профессионального переобучения в стране отсутствует, что замедляет темпы перелива рабочей силы в эффективные сферы производства, затрудняет создание гибкой системы занятости и формирование оптимальной модели рынка труда. На конец 2001 г. какую-либо подготовку (переобучение по своей профессии и переобучение по другой профессии) за предыдущие 5 лет получили 6,6% мужчин и 6,9% женщин трудоспособного возраста. Практически полностью были лишены возможности пройти профессиональное переобучение лица, наиболее нуждающиеся в нем, — безработные и незанятые. К концу 2001 г. профессиональную переподготовку прошли всего лишь 2,7% безработных мужчин и 7,1% безработных женщин.

Показано, что значимой тенденцией является заметное повышение активности россиян в поисках работы. Если в 1994 г. поиском работы активно занимался примерно каждый восьмой из числа желающих найти работу (4,7% взрослого населения), то в 2002 г. — примерно каждый четвертый (7,3%). Установлено, что наиболее распространенным способом поиска работы на сегодня

Авраамова Е.М. Образование как адаптационный ресурс населения // Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01/ Отв. ред. С.В. Шишкун. Независимый институт социальной политики. М.: СИГНАЛЬ, 2003. С. 90—101.

являются обращения за помощью к друзьям и знакомым: этими каналами пользуются три четверти лиц, занятых проблемой трудоустройства. На втором месте находятся непосредственные обращения к работодателям (50,7%). Третью категорию составляют обращения в государственные службы занятости (35,2%). Примерно каждый третий ищет помощи у родственников и более трети обращаются к рекламным объявлениям. К услугам служб занятости прибегают 15,6% лиц, активно занимающихся поиском работы.

В главе 3.3 "*Профессиональная мобильность и особенности адаптации к измененной системе труда*" отмечается, что характерная тенденция переходного периода — усиление процессов движения рабочей силы и рабочих мест, спонтанный рост всех видов экономической мобильности. На протяжении 1994—2000 гг. до трети и более респондентов выражали твердое желание найти новую работу, демонстрируя тем самым отсутствие установок на продолжение текущей трудовой деятельности. Особенно велико было это стремление в 1994 г., когда его выражали 37% опрошенных. И только в 2001—2002 гг. доля желающих найти новую работу снизилась до 27%. Многие из них осуществили свои намерения: уровень мобильности в сфере труда, учитывающий ежегодные изменения профессии и (или) места работы, колебался в пределах 15—16%.

Около половины всех изменений приходилось на одновременную смену профессии и места работы, которые являются прежде всего следствием глубоких структурных перемен в экономике. При полной смене работы, как правило, происходит смена сектора занятости или сферы трудовой деятельности, в результате чего работник не может применить прежнюю квалификацию на новом рабочем месте. Не столь значительную роль в механизме перераспределения рабочей силы играет смена места работы, позволяющая работнику использовать приобретенный профессионально-квалификационный потенциал и, следовательно, ускорить и облегчить преодоление адаптационных барьеров на новом рабочем месте. И еще реже работники меняют профессию без изменения места работы. В этом случае адаптационные затруднения, вызванные перепрофессионализацией, частично компенсируются действием фактора привычной обстановки.

Часть работников вынужденно или добровольно меняют профессию или место работы раз за разом, не успевая проходить даже начальную стадию адаптации. От 20 до 25% сменивших работу уже в следующем году меняют ее опять. В первую очередь это относится к тем, кто меняет одновременно профессию и место работы. Для многих людей частая смена профессии или места работы становится одним из способов выживания, который не позволяет опус-

титься ниже черты бедности, или средством улучшения материального положения своей семьи как результат настойчивости в поиске подходящей работы.

Быстрее и легче приспосабливаются к измененной системе труда лица, у которых хорошо развиты качества, востребованные в новой экономической ситуации. Эти качества чаще встречаются у людей, меняющих работу, в сравнении с теми, кто не решается на подобные поступки. Самые высокие оценки соответствия личностных качеств современной рыночной ситуации принадлежат лицам, сменившим только место работы (около 50%), а также место работы и профессию одновременно (44,5%).

Оптимизация процесса адаптации к измененной системе труда связывается со многими факторами, но прежде всего с повышением эффективности овладения субъектом труда избранной профессией на различных жизненных этапах, преодолением им адаптационных затруднений и развитием способностей к успешной профессиональной деятельности в новых условиях. Здесь выделяются такие направления, как непрерывное образование, развитие профессиональной компетентности применительно к избранной сфере труда, коррекция личностно-профессиональных качеств, овладение технологической культурой подготовки и осуществления профессиональной деятельности, вовлечение работников в процесс непрерывной профessionализации.

В главе 3.4 *"Вторичная занятость как способ адаптации к рыночным реформам"* указывается, что вторичная занятость охватывала по состоянию на тот или иной момент времени узкий сегмент населения трудоспособного возраста (5–8%). Показатели вторичной занятости достаточно стабильны и крайне умеренно реагируют на изменения социально-экономической ситуации. Сектор дополнительной занятости на 55% формируется за счет мужчин. Она более доступна людям молодого и среднего возраста, лицам с более высоким уровнем образования. Наибольший рост активности на рынке вторичной занятости отмечен у сельских жителей. За 1994–2002 гг. доля селян в сфере вторичной занятости выросла с 25,2 до 40,5%. Основными факторами широкого вовлечения сельских жителей в сектор дополнительной занятости выступают отсутствие какой-либо работы, низкие заработки в деревне, сезонность сельскохозяйственного труда.

Для основной части занятых в секторе дополнительного труда эта работа выступает в форме небольшого случайного заработка. Но по мере того, как люди глубже втягиваются в рыночную экономику, вторичная занятость приобретает более строгие черты и регулярные формы, играя все более заметную роль в решении социально-экономических проблем семей. За период систематических наблюдений удельный вес респондентов с регулярными заработками среди вто-

лично занятых вырос с 21,4 до 28,4%. Поскольку вторичная занятость очень часто не связана с выполнением высококвалифицированной работы, не совпадает с основной профессией или специальностью, не требует высокого уровня образования, она становится причиной снижения профессионально-квалификационного уровня работника и в долгосрочной перспективе может тормозить адаптацию.

Как правило, дополнительная оплачиваемая работа не приносит больших материальных выгод, а лишь на время сглаживает трудности кризисного периода. Ее роль в адаптации определяется не столько тем, что она позволяет компенсировать работникам недостаток в доходах от основной работы, хотя это, безусловно, имеет значение, сколько в том, что она помогает лучше понять свои возможности и приобрести уверенность в собственных силах, освоить новые формы рыночного поведения, познакомиться с альтернативными видами трудовой деятельности, принимать взвешенные, обоснованные решения при смене профессии или места работы. При наличии дополнительной работы заметно снижается обеспокоенность угрозой потери основного рабочего места и улучшается социальное самочувствие.

В целом вторичная занятость занимает важное место в адаптации населения к рыночным реформам, помогая преодолевать трудности материального жизнеобеспечения, повышая рыночную активность и трудовую мобильность, а также выполняет важные функции, связанные с реализацией реформ, содействуя перераспределению рабочей силы между различными секторами экономики, перетеканию работников в перспективные сферы занятости. Несмотря на то, что дополнительная работа отнимает много физических и моральных сил, она чаще служит источником хороших настроений.

В четвертом разделе "**Трудности адаптации и проблемы социального неравенства**", состоящем из трех глав, на конкретном материале анализируются причины и вскрываются последствия углубляющегося социального неравенства.

В главе 4.1 "*Бедность в реформируемой России*" акцентируется внимание на угрожающем для общества распространении бедности. В ряде работ отмечается, что Россия движется в сторону "классического" типа бедности, уже завершается процесс формирования застойной бедности и глубокой социальной

эксклюзии¹, что население все больше воспринимает бедность как неизбежную, предопределенную в пределах нашей страны форму жизни².

Пик бедности по данным РМЭЗ был зафиксирован в ноябре 1998 г., когда доля домохозяйств с доходом ниже уровня бедности достигала 38,1%. При этом 15,9% семей находились за 50%-ной чертой прожиточного минимума. Группа риска включала депривированные категории — семьи сельских жителей, с детьми дошкольного возраста, а также семьи, имеющие иждивенцев, не достигших трудоспособного возраста, нетрудоспособных взрослых или лиц с ограниченной трудоспособностью (инвалиды, тяжелобольные и др.). Повышенная иждивенческая нагрузка превратилась в решающий фактор, определяющий плачевное материальное положение семей с детьми. К концу 1998 г. доля детей дошкольного возраста, проживающих в бедных семьях, достигла наивысшего значения — 56,2%. Причем каждый четвертый ребенок жил в условиях крайней бедности. Наступивший после 2000 г. перелом в экономическом положении населения принес облегчение и беднейшим слоям. Уровень бедности, зафиксированный в конце 2002 г., был самым низким, начиная с 1994 г. - 14,6%. Доля детей дошкольного возраста, проживающих в бедных семьях, сократилась до 22,7%, в том числе уровень крайней бедности до - 8,7%.

Бедность является результатом тесного переплетения личностных и общественных доминант. Но если в стабильных условиях доминирующая роль отводится демографическим факторам (возраст, состав и размер семьи, место проживания и др.), состоянию здоровья, то на этапе социальной трансформации в полной мере проявилась взаимосвязь бедности с уровнем социально-экономического развития страны и отдельных регионов.

Повышенный уровень бедности отмечается в сельской местности. Вместе с тем бедность не получила ожидаемого широкого распространения среди пожилых людей. Факторами, снижающими вероятность попадания в категорию бедных, являются высокий уровень образования и профессиональной квалификации, освоение востребованной профессии или специальности. Занятые физическим трудом низкой квалификации оказываются в наихудшем положении на рынке труда, а занятые умственным трудом высокой квалификации — в наилучшем. Среди бедных в городе доля мужчин непропорционально ниже их доли в выборке, а в сельской местности ниже доля женщин.

Для реформируемой России характерна временная (обратимая) бедность. Что касается стабильного положения семьи ниже черты бедности, то оно чаще

¹ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М: Летний сад, 2003. С. 361—369.

² Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладения и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1.С. 30.

связано с работой трудоспособных ее членов на государственных предприятиях или с их переходом с частных предприятий на государственные. Здесь преобладают наемные работники, исполнители без достижительных установок и карьерных устремлений, многодетные и неполные семьи, а также сельские семьи. Наиболее тесно связаны с наличием или отсутствием состояния хронической бедности такие показатели интегрального индекса социального самочувствия, как удовлетворенность своей жизнью, оценка изменения материального положения семьи и уверенность в будущем.

Очень часто постоянная бедность совпадает с пассивностью, боязнью ответственности и перемен, нежеланием рисковать, приверженностью патернализму, установками на выживание, а не на достижение успеха и наиболее полную реализацию своих способностей.

Далее сравнивается изменение положения респондентов относительно черты бедности с их субъективными оценками изменения своего материального положения своей семьи, рассматривается динамика благосостояния во взаимосвязи с оценками жизненных перспектив.

В заключение подчеркивается, что сегодня важное значение приобретает формирование механизма, способного реально повысить ответственность государства перед человеком, сокращая при этом различия в положении отдельных групп. На первый план выходят задачи проведения социально ориентированной политики, формирования у чиновников разного уровня представлений о социальной ответственности государства, адекватных современным экономическим условиям, поиска механизма взаимодействия государства и населения в решении социальных задач. Немаловажную роль приобретает также обеспечение недискриминационного доступа бедных и малообеспеченных слоев к образованию и медицинскому обслуживанию.

В главе 4.2 *"Способы выживания и нестандартные формы рыночного участия"* отмечается, что ни массовые, ни менее распространенные пассивные экономические практики, основанные на относительной депривации основных потребностей — экономии и отказе от необходимого — не относятся к наилучшим способам адаптации. Для большинства воспользовавшихся ими они неэффективны уже потому, что не приводят к мобилизации адаптационных ресурсов. Не устрояя, а только амортизируя трудности, они способствуют консервации неэффективной структуры занятости и пассивного экономического поведения, не позволяют индивиду в трудных условиях сохранять социально-профессиональное положение и связанные с ним доходы. Стремление к поиску способов именно выживания в наибольшей степени характерно для бедных или малообеспеченных семей.

Особое внимание уделяется рассмотрению таких практик пассивной адаптации, как экономия на продуктах питания, так называемая "экономия на большой семье", на лекарствах и медицинском обслуживании.

Установлено, что в последние годы роль пассивных адаптационных практик стала ослабевать, демонстрируя тем самым позитивные сдвиги в развитии адаптационных механизмов. Городские и сельские жители стали меньше экономить на покупках одежды, обуви и продуктов питания, реже обращаться за помощью к родственникам, в государственные организации, продавать вещи и имущество из-за нехватки денежных средств. У многих (особенно горожан) отпала необходимость увеличивать производство сельскохозяйственной продукции на своих участках для удовлетворения личных (семейных) потребностей, чтобы компенсировать снижение денежных доходов от заработной платы и других источников.

Трансформационные трудности вынудили многих россиян обратиться к различным формам сугубо личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов. Примерно каждый десятый опрошенный выращивает что-либо на своем участке с целью продажи или обмена и примерно столько же людей разводят и продают скот, птицу и рыбу. Менее распространенными формами рыночного участия и адаптации населения выступают оказание различных платных услуг, перепродажа товаров и продуктов, продажа продукции домашнего изготовления, простейшие денежные операции, связанные с получением процентов от вкладов или приобретением ценных бумаг, сдача внаем жилья и другого имущества. Стратегия активных действий, позволившая многим не только сохранить свой статус, но и подняться на более высокую ступень, оказалась продуктивнее, чем пассивное приспособление. С годами этот контраст стал особенно глубоким. В конце 2002 г. было отмечено некоторое ослабление интереса к формам активного рыночного участия, связанное с ростом доходов населения из других источников. Подробно рассматриваются особенности активного экономического поведения сельских и городских жителей.

В целом с точки зрения реализации адаптационного потенциала наблюдается значительная дифференциация приспособительного поведения отдельных социальных групп к новому социальному пространству. При этом даже внутри адаптированных и неадаптированных групп отмечаются существенные поведенческие различия.

Глава 4.3 "*Проблемы гендерного неравенства*" посвящена анализу гендерной специфики адаптации, обусловленной неравноправным положением женщин сравнительно с положением мужчин. Показывается, что современный уровень развития общества характеризуется расширением возможностей участия женщин практически во всех сферах общественной жизни, которое

рассматривается в качестве одного из достижений происходящих в стране перемен. Однако очень часто эти возможности остаются нереализованными, анередко отмечается резкое усиление дискриминации женщин, имеющее разнообразные проявления. В процессе адаптации к обновляющимся условиям женщины сталкиваются с более серьезными трудностями, чем мужчины. Они в большей степени страдают от нарушений социально-экономических, политических и иных прав и свобод.

На обширном материале фиксируется, что права женщин нарушаются как в негосударственном, так и в государственных секторах экономики. Одним из широко распространенных проявлений дискриминации по половому признаку является вытеснение женщин в малопrestижные и низкооплачиваемые сферы экономики. Имеет место дискриминация женщин при найме на работу и в оплате труда. В 2002 г. заработка женщины составлял в среднем 62,7% от заработка мужчины. Особенно велика разница в заработках на государственных предприятиях, где в 2002 г. женщины зарабатывали на 43,3% меньше, чем мужчины, в то время как на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности на - 32,3%.

Подчеркивается, что женщины менее конкурентоспособны на рынке труда, у них уже спектр доступных средств и способов социального самовыражения, и поэтому они медленнее адаптируются к новым социально-экономическим условиям. Легче и быстрее адаптируются к новой социально-экономической ситуации профессионально ориентированные женщины.

Женщинам в большей мере свойственно испытывать тревогу и страх лишиться рабочего места, пессимистично оценивать свои шансы на трудоустройство. Но если речи не идет о престижной и высокооплачиваемой работе, страхи женщин не всегда обоснованы. Уровень безработицы среди женщин выше, чем среди мужчин, но не существенно. Значительный перевес доли женщин наблюдается только среди зарегистрированных безработных, что свидетельствует о том, что они чаще обращаются за помощью в государственные службы занятости. У женщин ниже уровень профессиональной и территориальной мобильности; они реже прибегают к дополнительным заработкам; гораздо осторожнее встают на путь предпринимательства; чаще попадают в зону негативных социально-психологических состояний независимо от возраста.

В этой главе подробно рассматриваются взгляды мужчин и женщин на проблему равенства полов, на роль мужчины и женщины в семье. В заключение делается вывод, что между формальным правом и практикой сегодня простирается большая пропасть. В этой связи выработка и последовательное проведение эффективной политики равных возможностей в отношении мужчин и женщин, не отрицающей наличия специфических, сугубо мужских и сугубо женских интересов, выступает сегодня в качестве одного из фундаментальных условий

обеспечения тендерного равенства в социально-экономической и других сферах.

В пятом разделе "**Основные тенденции формирования толерантного сознания в трансформирующемся обществе**", состоящем из четырех глав, рассматриваются важнейшие тенденции, обусловливающие формирование толерантного сознания, одни из которых препятствуют стабилизации и консолидации общества, а другие усиливают интеграционные процессы.

В главе 5.1 "*Трудности поиска взаимопонимания и согласования интересов*" показывается, что крайне неравномерное распределение богатства вызывает тревогу у людей различных политических убеждений, представителей самых разных социальных групп и слоев. Большинство россиян не допускают возможности достижения толерантных взаимоотношений между бедными и богатыми. На протяжении всех лет мониторинга доля лиц, положительно оценивающих возможность примирения богатства и бедности в России, составляла от 16,4 до 17,8%.

Вместе с тем в последние годы наметились некоторые позитивные сдвиги, заключающиеся в снижении интолерантной позиции (с 57,1% в 1998 г. до 46,4% в 2002 г.) и усилении компромиссной (соответственно с 26,2 до 35,8%). Независимо от достигнутого уровня адаптированности к новыми условиям происходит постепенный отказ от жестких позиций. Эти взгляды, являющиеся частью компромиссного сознания, ориентированного на взаимные уступки и бесконфликтное сосуществование, основанное на договоре, гораздо ближе к реальности, чем любые крайние точки зрения. Для людей с такими взглядами более всего характерен выбор жизненных планов, акцентирующих внимание на достижение максимально возможного в улучшении своего положения в рамках существующей системы социального расслоения.

Люди стали более осознанно подходить к оценкам возможности примирения бедных и богатых, избавляясь от мифологизированных или идеологизированных представлений, для которых характерны самые крайние точки зрения (от убежденности в непримиримости классовых интересов, поддержки идеи классовой борьбы до уверенности в возможности сделать всех людей богатыми, осчастливить и превратить всех в предпринимателей и собственников). Итогом переоценки ценностей стало усиление в повседневной жизни индивидуалистических ориентаций, pragmatизма в жизненных ориентациях и поведении значительной части граждан. Отмечается также, что при всей неоднозначности оценок происходящего перемены в государственной политике и экономике постепенно вносят в сознание людей новые элементы, меняющие их представления о современном российском обществе и возможности "мирного сосуществования" бедных и богатых.

Результаты мониторинга указывают на наличие непосредственной взаимосвязи между динамикой субъективных статусных характеристик и эволюцией представлений россиян о достижимости толерантности в обществе. Анализируются условия, способствующие росту потенциала толерантности.

Уровень толерантности в общественном сознании россиян по линии власти в 1994–2002 гг. был ниже, чем по критерию "бедные–богатые". Доля лиц, позитивно оценивающих возможность установления толерантных отношений во властном пространстве, составляла от 10 до 14%. И хотя в 2002 г. доля негативных оценок снизилась в сравнении с 1998 г. с 66 до 55,4%, она все равно оставалась на 9% выше, чем удельный вес негативных оценок возможности терпимых взаимоотношений между богатыми и бедными. Одновременно произошло усиление компромиссной позиции (с 23,6 до 32%). Однако ее усиление в системе оценок терпимости властных неравенств происходит медленнее, чем укрепление аналогичных позиций в структуре оценок возможностей взаимопонимания между бедными и богатыми. У горожан намного рельефнее выражены полярные точки зрения в отличие от сельских жителей, которые больше склонны к поиску компромиссов с властями и не столь категоричны в суждениях.

Подчеркивается, что в оценках возможности достижения толерантности по линии богатства и по линии власти обнаруживается гораздо больше общего, чем различий. Об этом свидетельствует наличие устойчивой корреляции между ними, фиксируемое во всех волнах мониторинга. Для многих людей не существует больших различий между богатыми и обладающими властью.

Делается также вывод о том, что перспективы развития толерантности в России в немалой степени связаны с темпами вступления в самостоятельную жизнь новых поколений, возрастной ротацией, процессом замещения в профессиональных структурах людей старшего поколения молодежью. Это в равной мере относится ко всем слоям общества, включая элиту, поскольку развитие толерантных отношений предполагает наличие встречного движения участников взаимодействия.

Анализ выявляет взаимосвязь между оценками межпоколенной толерантности и оценками толерантности по критериям богатства и власти, которая отражает особенности социокультурного разрыва между поколениями. Люди старшего поколения, с трудом адаптирующиеся к принципиально новой для них социальной среде, более обостренно и болезненно воспринимают происходящие перемены и чаще негативно оценивают возможности достижения толерантности между богатыми и бедными, между властью и народом. При этом часть ответственности за ухудшение ситуации они перекладывают на младшее поколение. Либерализация и демократизация взглядов молодежи обретает форму "вызыва" старшему поколению, защищающему усвоенные ими ценности. Молодежь рассматривает старшее поколение как определенное препятствие,

угрожающее их личной свободе, возможности проявить предприимчивость и инициативу.

В целом процессы демократизации, переход к рыночной экономике оказываются непосредственно связанными со сменой поколений. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда идеологические разломы сочетаются с межпоколенными разрывами, когда становление новой системы ценностей накладывается на социально-психологический конфликт, вызванный сменой поколений. Вместе с тем становление новой политической системы и государственности, снижение накала политico-идеологического противостояния в обществе, продвижение по пути рыночных реформ превращают межпоколенный конфликт в менее идеологизированный и политизированный, но преимущественно в социально-психологический.

В главе 5.2 *"Две стратегии социального взаимодействия"* рассматриваются альтернативы, обозначающие выбор между парадигмой сотрудничества, гармонизации отношений, обеспечения личной и общей безопасности и логикой соперничества, противостояния, агрессии — консенсиализм и диссенсиализм.

Консенсиализм — это взаимодействие, приобретающее форму сотрудничества, партнерства или конструктивного соперничества, соревнования в достижении общих целей. Это взаимодействие, в котором существует общность интересов его участников и где обязательным условием и результатом разрешения конфликтов является согласие. Как вектор направленностиластной деятельности и форма организации общества консенсиализм предстает как практика конструктивного регулирования социальных отношений. Диссенсиализм — это взаимодействие, приобретающее форму межличностной и межгрупповой агрессии, враждебного соперничества, конфронтации.

Онтологически консенсиализм и диссенсиализм выступают как две диалектически противостоящие друг другу и друг друга дополняющие в индивидуальном сознании и общественной практике нравственные и политические парадигмы, регуляторы и движители деятельности людей, их поведения и поступков.

Субъективные оценки возможной эффективности организации социального взаимодействия как практики "социального партнерства" и "социальной конфронтации" используются нами для идентификации респондентов по критерию "социального качества". В данном случае толерантность и нетолерантность выступают как противоположные свойства, состояния этого социального качества. Для осуществления этой процедуры был сформирован "индекс социального качества". Согласно данным мониторинга, свыше половины респондентов считают, что сегодня их жизненные интересы, равно как и интересы общества, реализуются целиком или преимущественно на конфронтационной

основе. Противоположной точки зрения придерживается примерно каждый шестой опрошенный. И примерно каждый третий является носителем амбивалентной стратегии социального взаимодействия. Изменчивость взглядов и представлений людей обусловила переменчивость стратегий респондентов и, следовательно, подвижность выделенных нами групп. Последовательных диссенсиалистов оказалось вдвое больше, чем последовательных консенсиалистов.

Вероятность появления консенсиалистов среди молодых людей в возрасте до 30 лет почти в полтора раза выше, чем среди людей более старшего возраста, а вероятность появления диссенсиалистов более чем в два раза выше среди людей старше 60 лет. Особенно высок удельный вес консенсиалистов среди законодателей, крупных чиновников и управляющих высшего и среднего звеньев, а также людей, занятых в сфере обслуживания. Диссенсиалистами чаще выступают пенсионеры, разнорабочие, промышленные рабочие, ремесленники и мелкие канторские служащие. Вероятность появления консенсиалистов возрастает по мере повышения уровня материального благосостояния респондентов.

Консенсиалисты представляют собой довольно консолидированную часть общества, отличающуюся высокой идентичностью политico-экономических взглядов. Здесь гораздо отчетливее структурирована иерархия ценностей и запросов, которая отражает идеино-политическую и социально-экономическую ориентацию этой части респондентов. Что касается диссенсиалистов, то их конфликтность и конфронтационность связаны с консерватизмом, догматизмом, ортодоксальной приверженностью традиционным идеалам, политизированностью сознания, с поколенческой принадлежностью, низким уровнем адаптивности, отсутствием полноценной жизненной активности и т.п., которые в силу сложившихся обстоятельств превращаются в личностные барьеры адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Между консенсиализмом и диссенсиализмом нет четкой грани. Наоборот эти два типа духовной организации и стратегии социального взаимодействия представляют собой тесное единство, имеющее место в любом, в том числе современном цивилизованном обществе. Порой различия между ними едва уловимы. Они принимают конкретные исторические формы. Однако от их соотношения зависят возможности перехода "к новому типу социальных отношений, одним из главных принципов которого будет толерантность"¹, характер социального взаимодействия в обществе, определяющий уровень его стабильности, гармонизации отношений и в то же время готовность и способность общества к переменам.

¹ Шалин В.В. Толерантность (Культурная норма и политическая необходимость). Краснодар: "Периодика Кубани", 2000. С. 224.

В главе 5.3 "*Некоторые аспекты формирования этнической толерантности в повседневной жизни*" повышенный уровень этнической интолерантности в современном российском обществе непосредственно связывается с трудностями адаптации населения к новым социальным условиям. На основе изучения различных проявлений этнической толерантности и интолерантности (в отношениях подчинения в трудовом коллективе, по отношению к этническим смешанным бракам) подтверждается актуальность проблемы формирования толерантных установок в сфере межэтнических отношений.

Проведенный анализ позволяет судить о присутствии в отношениях "руководитель - подчиненный" заметной доли этнической интолерантности. Почти половина опрошенных (48,8%) не придает значения национальности начальника только в том случае, если он хороший начальник. 7,7% респондентов, отдавая предпочтение представителю своей национальности, в то же время намерены спокойно относиться к руководителю любой другой национальности, не собираются демонстрировать свою неприязнь или раздражение по этому поводу, открыто выражать недовольство или менять место работы; 2,2% демонстрируют стойкое предубеждение против определенных этнических групп и 14,8% занимают наиболее четко выраженную интолерантную позицию, предпочитая работать только с начальником своей национальности.

Полную толерантность по отношению к смешанным бракам проявляют 42% опрошенных. Примерно каждый четвертый респондент предпочитает, чтобы его ребенок вступил в брак с человеком своей национальности, но возражать против другого выбора не стал бы. Для 8,2% респондентов национальность не имеет значения только в том случае, если будут полностью соблюдаться традиции и обычаи своего народа. Еще 5,8% опрошенных ставят решение данного вопроса в зависимость от того, к какой национальности принадлежит их будущий родственник. И наконец, самый высокий уровень этнической интолерантности проявляют около 20% респондентов, желающих видеть среди своих новых родственников людей только своей национальности.

Рассмотренные проявления этнической интолерантности чаще сочетаются с низким уровнем адаптированности к новым социальным условиям и низкой материальной обеспеченностью. По мере улучшения социального самочувствия интолерантные установки теряют силу, а компромиссные, наоборот, усиливаются. Проявления этнической толерантности и интолерантности в данных случаях согласуются с представлениями респондентов о возможности толерантности по линиям богатства и власти. Одним из наиболее существенных факторов является конфессиональная самоидентификация. Уровень и характер этнической толерантности имеют региональную и национальную специфику.

Преодоление межэтнической напряженности, сообщение нового качества толерантности отношениям, опосредующим взаимодействие людей разных на-

циональностей на разных уровнях его организации, составляют комплекс проблем, внимание к которым осознается сегодня как обязательное условие поступательного развития российского общества.

В главе 5.4 "*Отношение к вынужденным мигрантам и проблема формирования толерантности в общественном сознании*" раскрываются особенности отношения коренного населения к людям разных национальностей, прибывающим в Россию на постоянное место жительства из стран так называемого ближнего зарубежья. Проведенный анализ позволил установить, что в общественном сознании существует довольно четкое разделение вынужденных переселенцев по национальному признаку на "своих" и "чужих", на "желательных" и "нежелательных".

Подавляющее большинство коренных россиян вполне доброжелательно относятся к переселенцам русской национальности, считая их "своими". Интолерантные установки, вызванные страхами и опасениями, неприязнью и предубеждениями к вынужденным мигрантам или другими причинами, характерны только для 10,9% респондентов. Выражая поддержку на уровне отвлеченных представлений, часть респондентов не воспринимает их в качестве своих соседей (11,5%), возражает против приезда переселенцев в их город или село (14%). Еще меньше доброжелательности фиксируется в случае, когда респонденты задумываются о перспективе возможных родственных отношений с вынужденными мигрантами. В этой воображаемой ситуации доля отрицательных ответов возрастает до 16%. Негативное отношение нарастает по мере повышения уровня социального самочувствия, т.е. хорошее социальное самочувствие не снижает, а, напротив, повышает нетерпимость по отношению к переселенцам русской национальности. И на уровне отвлеченных представлений, и в конкретных ситуациях с большей долей неприязни относятся к переселенцам люди, занимающие верхние ступени на идентификационных шкалах богатства и власти. Не исключено, что здесь на авансцену выступают защитные потребности — опасения конкуренции на рынке труда.

Придерживаясь в основном толерантных взглядов по отношению к русским мигрантам, большинство в корне меняет свою позицию, когда речь идет о мигрантах других национальностей. Против их переселения высказались почти две трети опрошенных. Негативное отношение к инонациональным приезжим во многом вызвано боязнью осложнения социально-экономической ситуации, роста преступности, возникновения конфликтов на национальной почве. Дополнительную напряженность создают глубокие социокультурные различия, особенности поведенческих стереотипов и экономических ориентаций.

Существует связь между предвзятым, неприязненным отношением к иноязычным приезжим и "бытовым" национализмом, основанным на негативном повседневном опыте общения с представителями "чужих" этносов. Причем

основным объектом для неприязни и раздражения выступают так называемые "лица кавказской национальности" — представители стран Закавказья и жители российского Северного Кавказа¹.

Неприязненное отношение к мигрантам больше характерно для молодых людей. В целом молодежь предстает достаточно противоречивой категорией с точки зрения проявления толерантности. С одной стороны, у нее выше поддержка демократических преобразований и рыночных реформ, ориентация на достижение взаимопонимания между людьми, которые принадлежат к разным социальным слоям и группам. С другой стороны, у молодых людей более четко выражены акценты этнической и конфессиональной нетерпимости, межпоколенной нетolerантности, бескомпромиссности и конфликтности в общении с окружающими. Что касается толерантных позиций в данном аспекте, то их чаще занимают люди с низким уровнем образования, лица, проживающие в сельской местности и небольших поселках, пожилые люди.

Очень доброжелательно к мигрантам русской национальности относится этническое большинство — проживающие в России русские, а также представители других славянских народов (украинцы и белорусы). И в то же время они чаще выступают против того, чтобы Россия принимала на постоянное место жительства всех мигрантов, независимо от их национальности. Представители других этнических групп, особенно проживающих на Северном Кавказе, не столь доброжелательны к русским переселенцам. Более трети последних возражают против приезда мигрантов русской национальности в свой город или село, примерно столько же не хотят видеть их своими соседями и свыше 60% не намерены вступать с ними в родственные отношения. Но при этом более половины из них считают, что Россия должна принимать на постоянное место жительства всех переселенцев, не обращая внимания на их национальность.

В заключение отмечается, что обострение национальных отношений, межэтнических контактов обусловлено всей совокупностью политических, экономических, идеологических и культурных факторов, имеющих место в трансформирующемся обществе. Процесс формирования этнической толерантности протекает крайне непоследовательно и с трудом, путем преодоления этнических предрассудков, стереотипов и фобий. Раздираемое многими противоречиями общество заинтересовано в том, чтобы идея толерантности прочно вошла в повседневную жизнь и практику межэтнических отношений. Реализация такой политики крайне сложна и требует тщательной разработки с учетом состояний массового сознания.

¹ Преснякова Л. "Чужие" в России (апрель 2002) // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. С. 185—192.

В Заключении подводятся основные итоги и формулируются выводы.

Один из главных выводов состоит в том, что в российском обществе складываются предпосылки для развития интеграционных процессов как основы его стабильного, сбалансированного развития. В этом убеждают позитивные изменения в адаптации населения к реформам, которые по объективным показателям выражаются повышением уровня жизни, а по субъективным — положительной динамикой социального самочувствия и толерантности в массовом сознании. За время реформ возросло количество людей, которые использовали активные способы адаптации, задействовали дополнительные ресурсы, предпринимали реальные и эффективные шаги для улучшения своего положения — пробовали свои силы в бизнесе, предпринимательстве, меняли профессию, специальность или место работы, проходили переобучение по прежней или новой специальности, устраивались на дополнительную работу и т.д.

На протяжении 90-х годов прошлого века, социально-экономическая политика государства менялась, осложняя процессы адаптации населения к реформам, расширяя или консервируя бедность и малообеспеченность, внося элементы неопределенности в массовое сознание. Сейчас она стала приобретать более устойчивые черты, способствуя развитию активных адаптационных механизмов, улучшению экономического положения и стабилизации социально-психологического состояния населения. Позитивные перемены создают более благоприятные условия для реализации адаптационных ресурсов, расширяют возможности людей, вносят в массовое сознание новые элементы, меняющие представления граждан и о будущем общества, и о своем собственном, способствуют повышению уверенности в своих силах.

Основой для создания условий, способствующих оптимизации адаптационных процессов, является эффективное использование человеческого, производственного и личностного капиталов.

Повышение адаптированности населения к обновляющимся условиям связывается с наведением порядка и укреплением законности в стране, борьбой с коррупцией и бюрократическим произволом чиновников, от чего страдает подавляющее большинство россиян. Речь идет также о повышении доверия к институтам власти. Общее недоверие к рыночным и властным институтам препятствует освоению новых ценностей и тормозит процесс социального приспособления широких слоев населения к новым условиям. В этой связи актуализируется проблема формирования элиты, способной управлять страной, защищать ее от бюрократического разложения, коррупции и других негативных явлений, обеспечивать эффективное развитие экономики, политики, социальной и информационной сфер в интересах государства и его граждан.

В начале XXI века Россия оказалась в ситуации, когда поиск равновесия между интересами общества, бизнеса и государства, различных групп и слоев населения, консолидация общества становятся ключевыми условиями национального прогресса, без которого невозможно реализовать жизненно важные интересы общества — развитие мощной экономики с опорой на высокие технологии и различные формы собственности; создание демократического государства, опирающегося на закон; обеспечение нравственного и физического здоровья нации; безопасности личности и государства.

Осознание направленности и характера происходящих в обществе перемен обусловило постановку вопроса об изменении парадигмы образования. Возникла необходимость обеспечить адекватность образования, его качества и содержания динамичным общественным изменениям, стремительному развитию новых информационных технологий. Но не менее важное значение приобрел и вопрос, связанный с обеспечением равного доступа к образованию, которое выступает в качестве ведущего адаптационного ресурса, важнейшего условия справедливого распределения доходов и решения проблемы экономического неравенства.

Консолидация общества предполагает наличие определенного единства по вопросу национальных целей развития и конкретных задач дальнейших преобразований. Именно поэтому так важно, чтобы люди чувствовали позитивные результаты реформ. В этой связи на первый план выходят проблемы формирования в России качественно нового уровня жизни, затрагивающего не только высшие слои, но и основную массу населения, гарантит защиты прав и свобод всех граждан, независимо от их социального положения; поиска эффективных механизмов взаимодействия государства и общества, различных групп и слоев населения в решении социальных задач.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях**:

Монографии

1. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже ХХ—XXI веков. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2004.20 пл.
2. Козырева П.М. Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2002.11 пл.
3. Денисовский Г.М., Козырева П.М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2002. 7 пл. (личный вклад автора — 3,5 пл.).

4. Денисовский Г.М., Козырева П.М. Особенности экологического поведения населения России в период социально-экономических реформ: опыт социально-экологического мониторинга. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2000.6 п.л. (личный вклад автора — 3 п.л.).

Главы и разделы в коллективных монографиях

5. Козырева П.М. Особенности социальной самоидентификации и субъективной мобильности // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003.1,2 п.л.
6. Козырева П.М. Альтернативные стратегии социального взаимодействия. // Социальная стратификация российского общества. М: Институт социологии РАН, 2003. 1 п.л.
7. Козырева И.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994—2001 гг.) // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М: Academia, 2002.1,3 п.л. (личный вклад автора — 0,8 п.л.).
8. Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 0,8 п.л. (личный вклад автора — 0,5 п.л.).
9. Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Духовная организация общества в контексте его стратификации // Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999.1,5 п.л. (личный вклад автора - 0,8 п.л.).
10. Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Структура общества и власти в зеркале массового сознания // Трансформация социальной структуры и социальная стратификация. 2-е издание. М.: Институт социологии РАН, 1998.2 п.л. (личный вклад автора — 1 п.л.).
11. Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Массовое сознание как фактор стратификации общества // Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. Книга 2. М.: Институт социологии РАН, 1995.2 п.л. (личный вклад автора— 1 пл.).
12. Козырев Ю.Л., Козырева П.М. "Средний класс" как символ и реальность // Социальная идентификация личности-2. М.: Институт социологии РАН, 1995. 3,5 п.л. (личный вклад автора— 1,8 пл.).
13. Козырев Ю.Н., Козырева И.М.. Власть как фактор социального развития // Структура общества и массовое сознание. М.: Институт социологии РАН, 1994. 5 пл. (личный вклад автора — 2,5 пл.).
14. Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Массовое сознание как фактор социальной стратификации // Процессы социального расслоения в современном обществе. М.: Институт социологии РАН, 1993.2 п.л. (личный вклад автора — 1 пл.).
15. Denisovsky G.M., Kozyreva P.M., Matskovsky M.S. Twelve Percent of Hope: Economic Consciousness and a Market Economy. In: Public Opinion and Regime

change: The New Politics of Post-Soviet Societies, A.H. Miller, W.M. Reisinger, & V.L. Hesli (Eds.) Westview Press, 1993.1,5 пл. (личный вклад автора — 0,5 пл.).

Статьи в научных журналах

16. Козырева П.М. Эволюция социального самочувствия россиян (по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1994–2002 гг.) // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. М.: ВЦУЖ, 2004,1,3 пл.
17. Козырева П.М. Россия: перемены в социальной структуре и общественное сознание // Труды Фонда Горбачева. Том 4. М., 2000.0,5 пл.
18. Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): изменение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3.1,5 пл. (личный вклад автора — 0,5 пл.).
19. Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. Международные стандарты оценки качества социологических исследований // Мир России. 1999 № 1/2. 1,5 пл. (личный вклад автора — 0,5 пл.).
20. Козырева П.М. Особенности адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования (в печати). 1 пл.
21. Дискурсивность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995. № 2. 1 пл. (в соавторстве, личный вклад автора — 0,5 пл.).
22. Zohoori, N., Kozyreva, P., Kosolapov, M., Swafford, M., Popkin, B.M., Glinskaya, E., Lokshin, M., Mancini, D. "Monitoring the Economic Transition in the Russian Federation and Its Implications for the Demographic Crisis—the Russian Longitudinal Monitoring Survey". World Development. 26 (November, 1998). 2 пл. (личный вклад автора—0,3 пл.).
23. Entwistle, B., Kozyreva P. New Estimates of Induced Abortion in Russia. University of North Carolina at Chapel Hill, Carolina Population Center. Studies in Family Planning, 1997.1 пл. (личный вклад автора — 0,5 пл.).

Подписано в печать 22.11.2004 г.

Объем 3 пл.

Тираж 100 экз.

Заказ № 184

Адрес: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

#25600

3

May